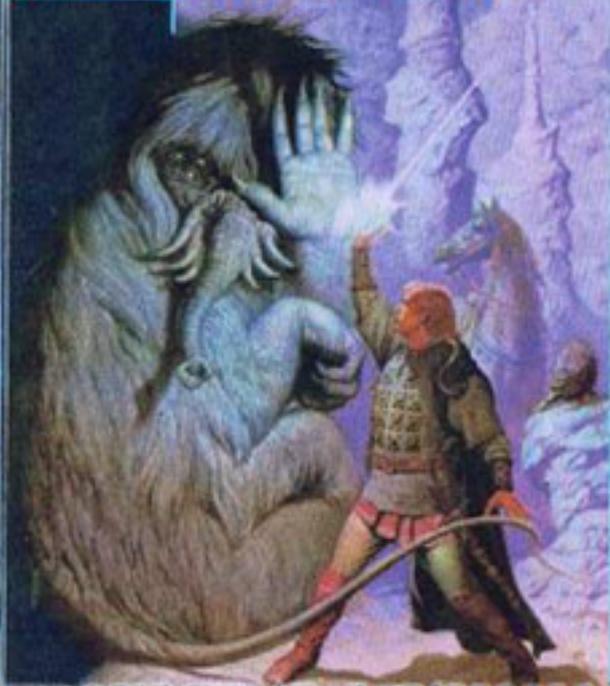

М евгений
М алинин

ПРОКЛЯТИЕ АРИМАНА

УЧЕНИК

Евгений Малинин
Ученик
Серия «Проклятие Аримана», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119569
Малинин Е.Н. Проклятие Аримана. Ученик: Фантастический роман: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-012763-4*

Аннотация

Он – тот, кому предназначено избыть древнее проклятие Властителя Тьмы Аримана.
Он – тот, кто должен сыграть до конца фугу для двух клинков, двух миров и одного магистра, и тогда рухнет заклятие Аримана – заклятие, закольцевавшее два мира.
Он – тот, кто был рожден на Земле. Тот, кто однажды заснул – и очнулся ото сна уже в Разделенном мире. В Мире, где он обладает Мечом Поющим и Кинжалом Молчащим. В мире, где, как нигде более, сильна власть магии, колдовства, ведовства. Так начинается его путь. Путь ученика...

Содержание

Прелюдия	4
Часть 1	8
1. Леди	8
2. Сбор	14
3. Путь	20
Интерлюдия	25
4. Путь (продолжение)	27
5. Мох. Ночь	37
Интерлюдия	53
6. Мох. День	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Малинин

Проклятие Аримана. История Первая

УЧЕНИК

Прелюдия

Что может быть хуже московского метро в восемь часов утра? Только московский автобус в то же время. Хорошо еще, что мне удастся, втискиваясь в вагон на станции «Выхино», встать у дверей, на всех других станциях этой ветки выход (и, что главное, вход) с противоположной стороны вагона...

Рубаха прилипла к телу, в живот уперлась чья-то сумка, дышу тяжелыми людскими испарениями и при этом читаю Урсулу Ле Гуин. Удовольствие!¹

Да, именно в этот день, 17 июля 1995 года, и началась эта история. Именно в этот день я сошел с проторенной дороги, по которой шагали тысячи моих сверстников, и вступил на узкую, извилистую тропку, протащившую меня по невероятным приключениям, подарившую мне поразительных друзей, обрекшую меня на невозполнимые, горькие потери...

Вот прочитал первый абзац и увидел, как порой высокопарно звучит голая правда. Все получается «меня» да «мне», хотя кто это – «я». Обычный «среднестатистический» москвич двадцати шести лет, одинокий, высшее, не был, не привлекался, не участвовал. За душой, кроме небольшой двухкомнатной квартиры, оставленной любимой бабушкой в наследство, ничего. Да, правда, еще книги. Их за двадцать лет непрерывного чтения скопилось довольно много, но с недавнего времени и они перестали быть «капиталом», тем более что львиная часть моей библиотеки – это легкий жанр фэнтези. И еще работа, которая у меня если и не экзотическая, то достаточно необычная.

Надо сказать, что я очень рано, где-то классе в шестом, заинтересовался электроникой и начал собирать различные электронные схемы – радиоприемников, телевизоров, подслушивающих устройств и других занимательных вещей. Наверное поэтому после школы я поступил в престижный по тем временам вуз под экзотическим названием МИРЭА.

В двадцать один я окончил свой институт и стал специалистом-электронщиком. Как ни странно, я сразу получил интересное предложение из одного ну очень закрытого НИИ. Но одним из основных условий получения этой работы было почему-то наличие военного билета гражданина, отслужившего в Советской Армии срочную службу. А у меня в военном билете было выведено «...годен к нестроевой службе в военное время...». Конечно, то, что я не попал в нашу доблестную армию, многие сочтут за поразительное везение, но мне это везение вышло жестким ребристым боком.

В результате я был направлен на опытный завод при НИИ радиокомпонентов мастером на участок штамповки, а через полгода был возвышен до должности начальника пресово-штампового цеха. Мы обеспечивали производство электронных схем для аппаратов, которые летели дальше всех, выше всех и точнее всех.

---

¹ Текст, выделенный курсивом, является выдержками из дневника главного героя, послужившего основой для написания этой истории.

Когда в 1994 году упомянутые аппараты перенацелили в никуда, наше производство сократили, мой цех и цех точного литья слили, прошу прощения за каламбур, в один, и вы, конечно, догадываетесь, кто пошел за ворота родного предприятия с надписью в трудовой книжке «...по сокращению штатов...».

Я долго и настойчиво, почти шесть месяцев, искал работу в соответствии с затраченными на мое образование народными средствами и полученными на эти средства знаниями и наконец окончательно убедился, что такие специалисты моему отечеству больше не нужны. Одновременно с этим убеждением я обнаружил, что в финансовом отношении я также полный банкрот.

И именно в этот отчаянный момент в моей пустой и гулкой квартире оглушительно зазвонил еще не отключенный по чьему-то жуткому недосмотру телефон. Звонил мой институтский знакомый, учившийся на параллельном потоке, Володька Коренев, или по-институтски Вовчик Корень. Это у него прозвище такое. Паренек этот еще в студенческие годы отличался поразительной деловой хваткой и снабжал шикарными импортными шмотками половину профессорско-преподавательского состава института. Студентам, просившим его помочь с одежкой, он глубокомысленно отвечал, что работает не в ГУМе и не имеет пока возможности оказывать гуманитарную помощь. Правда, мне удалось однажды получить у него почти новые джинсы в обмен на почти готовую курсовую по экономике.

Так вот, этот Вовчик Корень, представившись Владимиром Владимировичем, уточнил, что это Корень, Вовчик, с параллельного потока, который тебе на четвертом курсе джинсы подарил.

Несколько оторопев вначале от подобного хамства, я, однако, смог собраться с мыслями и поинтересовался, какого рода электроника требует моей заботы, и в ответ услышал совершенно неожиданное и совершенно идиотское предложение. Оказывается, Вовчик, прошу прощения, Владимир Владимирович, то ли сам, то ли с посторонней помощью, открыл и зарегистрировал в Москве рекламное агентство. И сейчас ему был нужен – нет, просто необходим в этом агентстве – поэт. Но поэт должен быть неизвестный, неизбалованный публикой и гонорарами, согласный на ненормированный рабочий день за триста гринов в месяц. И он, не забыв мои студенческие поэтические опыты, сразу подумал обо мне! Вот так!

За триста долларов в месяц я, безусловно, был готов написать для Вовчика десяток поэм, но весьма сомневался в возможности использования моего творчества в рекламном бизнесе. Однако Вов... прошу прощения, Владимир Владимирович был убежден в моем коммерческом успехе на данном поприще, и я дал себя уговорить. А куда ж мне было деваться.

Таким образом, на следующий день я оказался в шикарном офисе на Таганке, где через десять минут получил в трудовую книжку новую запись, покрытую жирной печатью, которая гласила, что отныне я поэт-текстовик рекламного агентства «ДиссидентЪ». Теперь моя дорога пролегла по сверкающей колее московского метро от станции «Выхино» до станции «Таганская».

И вот 17 июля 1995 года, направляясь на Таганку, в родной офис, в вагонной толчее, сквозь изысканную тоску «Волшебника земноморья» я почувствовал на себе пристальный, какой-то прилипчиво-изучающий взгляд. Оторвавшись от книги, я оглядел качающуюся в такт стыкам толпу простых российских тружеников и почти сразу же наткнулся на водянисто-серые глаза под такими же серыми кустистыми бровями. Лица видно не было, а глаза пялились на меня в непонятно как образовавшуюся щель между распаренными телами.

Встретив мой взгляд, глаза заулыбались – мелкие морщинки лучиками побежали от их углов, пропадая за потным цветастым платьем и белыми штанами стоявших между нами пассажиров.

Улыбнувшись в ответ, я вернулся к книге, но сосредоточиться на повести никак не мог. Мне казалось, что за этим пристальным взглядом, этой быстрой улыбкой скрывался какой-то странный, настойчивый интерес к моей скромной персоне.

– Сказками увлекаемся? – вдруг прошелестело у меня над ухом сквозь грохот поезда.

Я закрыл книгу. Рядом стоял дед. Интересный такой дед. Загорелая лысина, обрамленная полукольцом серых волос, чистое гладкое лицо, морщинки только в углах улыбающихся глаз, белая чистая, расшитая красными петухами косоворотка (где он только ее откопал) застегнута до глухого ворота. Самое поразительное, что в набитом битком вагоне дед стоял особняком, никого не касаясь, и от него исходило ощущение чистой прохлады. Да нет, пожалуй, не ощущение, от него тянуло самой настоящей прохладой, как от кондиционера.

– И сказками тоже... – проорал я, перекрикивая вагонный грохот.

Вообще я терпеть не могу разговаривать в метро. Плохо понимаешь, что говорит собеседник, надрываешь горло, теряешь нить разговора. Но тут я понял, что орать-то не обязательно. Дед меня и так прекрасно услышит и поймет.

– Самое место для чтения – никто не отвлекает, – уже спокойнее добавил я, рассчитывая, что намек будет понят и мне дадут спокойно читать дальше.

– Для сказки везде место. – Глаза деда погрузнели. – Только книжка у тебя так себе. Света в ней мало. А настоящая сказка светла не концом, светла духом своим. Конец не важен, герой и погибнуть может. А сказка жить должна в том, кто ее слышал. Или прочитал.

Странная характеристика, подумалось мне. И почему-то сразу вспомнилась бабушка, эта чужая фраза была явно из ее лексикона.

– Это зависит не столько от книги, сколько от читателя. Способен он в себе нести, как вы говорите, свет, или он решето. Я знавал людей, которые читали столько, что позавидовать можно. А закроет книгу – и сюжет не помнит, не то что настроение, дух, – вынужденно поддержал я тему и про себя подумал: «Неужели дед увлекается фэнтези?» Я полагал, что этот жанр для молодежи, ну для сорокалетних, а деду-то не меньше семидесяти.

– Это-то так. От человека все зависит. Но есть такие книги, что и дубину заставят думать.

– Минуты две-три. Пока не увидит журнальчик с голой попкой или не включит телевизор.

Дед согласно захихикал, а затем как-то странно, боком, по-птичьему взглянул на меня, отвел глаза и предложил:

– А хочешь я дам тебе книжечку почитать? Со сказочкой. Не пожалеешь. Она единственная, пожалуй, такая есть.

Вот тут я действительно удивился. Незнакомый дед предлагает, совершенно меня не зная, книгу, и книгу, похоже, редкую. Альтруист хренов. А если я ее сопру. Не верну и все. Да и как вернуть, если я этого деда первый раз вижу и, наверное, последний. И отказываться не хочется. Во-первых, дед симпатичный – обидеть жалко. Во-вторых, может, действительно книга интересная, малодоступная.

Видимо, у меня на физиономии все вышеизложенное живо отразилось, потому что дед довольно улыбнулся и проворчал:

– Не сопнешь ты, не сопнешь. Ты ж не жулик. – И достав откуда-то из-за спины довольно толстый томик в темном переплете, добавил: – Прочтешь, позвонишь. Тут вот на крышечке и телефон записан. Я скажу, куда книжечку подвезти.

Сунув том мне в руки, он вздохнул довольно и, сощурился, сказал:

– Ну, мне пора выходить, «Полежаевская».

Вот это да! «Полежаевская»! А мне-то в «Таганке» надо было выходить! Как же так! Ну, бывало, считаешься, проедешь остановку. А тут на другой конец города уехал. Да, на «Китай-городе» двери-то с моей стороны должны были открыться!

Сами понимаете, я не видел, куда двинулся дед, выйдя на платформу. Я выскочил за ним следом и, бросившись к подходившему встречному поезду, нырнул в открывшуюся дверь.

На работу я опоздал на целых сорок минут и, естественно, получил огромное расклевенное «фе». А потом закружилось! Телефонные мембраны лопались от швыряемых в них воплей, идиотские стихи, превозносившие достоинства самых интимных частей женского туалета, сочинялись и тут же громогласно исполнялись, иногда под музыку, кофе лилось черной рекой, в общем, вокруг гудел обычный трудовой день. Домой меня привезли часам к девяти вечера на машине – кому-то из ребят было со мной по пути.

Только после ужина я, отказавшись от просмотра телевизионных новостей, убрался в спальню, сел за старый письменный стол и открыл гладкую толстую кожаную крышку книги. На титуле крупным, затейливым шрифтом было выведено «Книга волшебства доброго и злого, алого и золотого», в верхнем углу справа мелко – «Для особо одаренных», а слева химическим, похоже, карандашом телефон и рядом: «Спросить деда Антипа». Я еще раз перечитал телефон. 122–079–99. Именно так. Из восьми цифр. Я перевернул страницу.

Часть 1

Два клинка

1. Леди

...А спать надо, приняв прохладный душ, раздетым, в собственной постели, под легким одеялом. Окно в спальне желательно держать открытым. Рядом с постелью может гореть слабый ночник.

Если эти правила не соблюдать, то по ночам вас будут мучить кошмары...

Я очнулся и рывком сел. Сразу закружилась голова и к горлу подкатила тошнота. Я сидел на обочине грязной разбитой дороги. Багровое солнце цеплялось за горизонт, захлебываясь густым туманом, пропитанным едким, маслянистым дымом. Почему-то мне было ясно, что наступил вечер. Слева от дороги чернела опушка леса. Справа тянулась унылая кочковатая равнина, покрытая желтой выгоревшей травой и редкими чахлыми кустиками. Рядом, выстилая небо дымной мутью, догорали какие-то развалины. Из-за тумана, что стоял и на равнине, и у меня в голове, видно было плохо, но я разглядел поблизости, на дороге, и за противоположной обочиной несколько явно мертвых человеческих тел. Вдруг надо мной раздалось ленивое хлопанье крыльев и по лицу скользнула тень. Подняв голову, я увидел, что сижу под наскоро сделанной виселицей, на которой раскачивались четыре ободранных, изуродованных трупа. Над ними кружили какие-то большие черные птицы. В нос мне сразу ударило зловоние. Задохнувшись, я повалился навзничь и потерял сознание.

Очнувшись вторично, я почувствовал себя гораздо лучше. Тошнота прошла, но подниматься не хотелось. Надо мной медленно проплывали прозрачные темно-серые волны то ли тумана, то ли дыма. Скосив глаза, я опять увидел виселицу, но трупов было почему-то всего три. На месте четвертого сиротливо болтался измочаленный обрывок веревки. «Ну вот, один куда-то смотался», – подумалось мне.

– Черный юмор – это тоже юмор, – раздалось вдруг в моей голове. Я закрыл глаза. – Еще полежим или все-таки посмотрим, что и как, – продолжил надоедливый, но чрезвычайно приятный и интеллигентный голосок.

– Посмотрим, – пробормотал я, открыл глаза и опять сел.

Окружающий пейзаж не изменился, разве что несколько потемнело – солнце уже скрывалось за горизонтом. Туман немного поредел, и мне стало ясно, что эту местность я вижу впервые. «Если это Куликово поле, то где Непрядва – хотелось бы выпить. Но больше похоже на Бородино. А может, это Косово поле», – плелись у меня в голове славянские исторические мысли. Округа и вправду была похожа на поле битвы, только трупов маловато да виселица не вписывалась в общую картину.

И тут мой взгляд упал на мою собственную персону. Сначала я даже не понял, что это я. На ногах у меня были высокие, красные, с явно золотыми шпорами сапоги, в которые были заправлены странные, чрезвычайно грязные штаны, напоминающие галифе. Левая штанина – ярко-зеленая, правая – желтая. С плеч ниже пояса свисала кольчуга, клепанная из мелких деталей, похожих на перекаленные восьмерки. Поскольку я не чувствовал металла, было ясно, что под кольчугой на мне рубаха. На правую руку была натянута желтая кожаная рукавица с приклепанными к ней поперечными металлическими полосами. Рука сжимала простую крестообразную рукоять длинного прямого клинка, покрытого запекшейся кровью. В

перекрестье гарды мерцал синий глаз сапфира. На левой руке перчатки не было, а рядом валялся длинный кинжал, явная пара мечу.

Я поднял левую руку и ощупал голову. Левую щеку саднило, а волосы над левым ухом были пропитаны запекшейся кровью. Но боли я не чувствовал.

– Так, костюмы одеты, грим наложен, можно снимать, – проворчал я. – Репетировать не будем, а то главный герой окончательно рехнется.

– Ну, понял, что и как? – снова раздалось в моей голове.

– Ни фига я не понял. Лежу, не знаю где, в карнавальном костюме и разговариваю сам с собой. Или не сам с собой?

– Не, не сам с собой. Сам со мной.

– Сам с кем?

– Со мной.

– Неплохо бы видеть лицо собеседника.

– А голоса тебе недостаточно?

– Бестелесный голос навевает раздумья о собственном душевном здоровье. Или о возможности аудиообщения с давно повешенными телами.

– Нет, с этими ребятами общаться вообще никак нельзя – у них же языки вырваны.

– Интересный обычай – вырывать язык перед повешением. Это чтобы не раздражали палача перечислением его достоинств.

– Да нет. Просто их языки еще много расскажут Арку. Или наврут кому-нибудь чего-нибудь.

– Да, лучше беседовать с самим собой, чем с вырванным языком. И кто такой Арк? Большой любитель поболтать?

– Вот это да! Отрубил руку по локоть, сам не знает кому!

– Тут я что-то не понял. Повторите, пожалуйста, кто не знает кого, кому отрубил по локоть руку?

– Ты – Арку. Или у тебя глубокая контузия.

– Знаешь что, вылезай и рассказывай все толком. Что там надо сделать, чтобы тебя увидеть. Сказать заветные слова: «Сезам, откройся», «Стань передо мной, как лист перед травой», а может, надо что-нибудь потерять.

– Не понравлюсь я тебе, – засомневался голос.

– Понравлюсь, не понравлюсь. Я с тобой не целоваться собираюсь.

– Как знать.

– Кончай болтать – вылезай.

– Ладно. Только ты не пугайся и не шевелись.

– Замер.

Я действительно замер. Вокруг никого не было. Только из-за близкого валуна медленно потекла золотистая струя, покачивая из стороны в сторону маленькой приплюснутой головой. Змея. Узкая лента в метр длиной цвета сусального золота с изысканным рисунком из переплетенных черных ромбов вдоль спины. Я не двигался, да и не мог двинуться. Руки и ноги как будто приросли к земле. Двигались одни глаза, наблюдая приближающееся мелькание маленького раздвоенного язычка и крохотных рубиновых глаз. Узкое тело перетекло с желтой травы на мою руку и, обвивая ее, потянулось к плечу. Я чувствовал на запястье шелковую прохладу змеиной кожи. Свернувшись клубком на левом плече, змея перекинулась через грудь и положила голову на мое правое плечо. Хвост повис на груди экзотическим аксельбантом.

– Вот видишь, не понравилась я тебе.

– Я просто онемел от твоей небесной красоты.

– Болтун. Еще скажи, что совсем не испугался.

– Ну, вообще-то я змей не люблю.

– Да, – голова на моем плече приподнялась, – за что?

– Ни за что, видимо, атавизм. Я змей-то в натуре видел раза два. А может быть, именно потому, что просто мало с ними знаком.

– Не знаешь, но не любишь. Логично!

– Нет, знаю. Ног у вас нет. Походка у вас некрасивая.

– Это у кого походка некрасивая? – казалось, змея от возмущения задохнулась. – Сами-то топаете как... не знаю кто.

– Ладно, – сказал я примирительно, – не будем вдаваться в анатомию. Как мне вас называть, леди. Не могу же я талдычить: змея, змея.

– А вот так и называй – Леди. А я тебя буду звать Илья.

– Откуда ты знаешь мое имя? – моему удивлению не было предела.

Нет, какова человеческая психика. То, что со мной на равных общалось пресмыкающееся из породы аспидов, меня не удивляло. А вот то, что оно знало мое имя, вызывало изумление.

– Разве это твое имя? – ее удивление тоже было неподдельным. – Я не знала. Просто ты чрезвычайно пригоден для этого имени.

– Ага. А еще для чего я пригоден, – оскорбился я.

– Посмотрим...

Мне показалось, что в ее голосе прозвучала легкая смешинка.

– Леди, – процедил я с достоинством, – мы отвлеклись от темы. До нашей незабываемой встречи вы начали занимательный рассказ об отрубленных конечностях и частичной амнезии, вызванной, как вы сказали, глубокой контузией. Если можно, продолжайте, я весь – внимание.

– Рассказывать вообще-то нечего. Я, как обычно по утрам, вышла прогуляться на свой любимый луг. По дороге в сторону Холма ехали шестеро всадников – ты и, как мне показалось, пятеро сопровождавших тебя. Навстречу вам из-за леса выехал Арк. С ним было человек сорок. Я очень удивилась, что, вместо того чтобы удирать, вы выхватили мечи и помчались навстречу этим бандитам. Это было похоже на самоубийство. Схватка длилась минут двадцать, и я уже думала, что тебе удастся их всех положить – человек двенадцать ты точно зарубил. Потом ты схватился с самим Арком. Я не поняла, как тебе это удалось, но третьим ударом ты отрубил ему руку, а ведь он был со щитом. И тогда один из сопровождавших тебя и прикрывавших твою спину во время боя ударил тебя мечом сзади. Шлем твой разлетелся на куски, а сам ты свалился с коня. Без тебя твоих людей быстро обезоружили, отрезали им языки и повесили, кроме того, который тебя ударил. Тот ускакал вместе с Арком. Тебя, видимо, сочли убитым, да ты и был убит, я потом проверила. Арк так орал на твоего убийцу, я думала, он его зарубит. Они все чего-то шарили вокруг тебя, а потом ускакали, видимо, Арку стало совсем плохо. А вечером смотрю – ты шевелишься. Вот я и решила попробовать с тобой заговорить. Очень ты меня заинтересовал. Такой манеры владения мечом я ни разу не видела.

Я сидел, тупо уставившись на свою руку с клинком, и в моей голове было пусто. Хотя бы одна дельная мысль. Я прекрасно помнил, как провел прошедший день. Никаких схваток, тем более что мечи я видел только в кино да на витринах новых магазинов, и то не настоящие. А чтобы держать в руке или драться!.. Из меня вообще драчун слабый. Мирный я человек. И на сон не похоже. Не вижу я обычно цветных стереофонических снов.

– Ну, что задумался? Как жить дальше?

– Тебя не очень огорчит, если я скажу, что все, что ты мне рассказала, есть плод твоего горячего воображения. Я прекрасно помню, что весь сегодняшний день провел в Москве и на природу не выезжал. Ни на коне, ни на чем другом. И, конечно же, ни с кем не дрался.

– Где ты провел весь день?

– В Москве.

– Москва есть плод твоего горячего воображения. Нет поблизости такой деревни.

– Деревни? – Я задохнулся от возмущения. – Да это великий город, один из самых больших и красивых на всей планете! В нем десять миллионов человек живет. Или уже одиннадцать.

– Самый большой город в округе, – назидательным тоном начала она, – Холм. В нем живет более четырех тысяч полных людей. И правит им магистр Арк. Если ты из Москвы...

– Тут она замолчала, ее голова метнулась с моего плеча к глазам и застыла сантиметрах в десяти от моего лица. Казалось, ее язычок, выскакивая из улыбающейся пасти, ощупывал мое лицо.

– Пришлец? – пронеслось у меня в голове как шорох ветра. – Пришлец! Но ведь у тебя совершенно нормальные зрачки. Пришлец – Илья!

Тут над нами что-то натужно закрипело. Мы одновременно подняли головы. Один из повешенных энергично дрыгал ногами и раскачивался, явно пытаясь оборвать веревку, на которой он висел. Его пустые с порванными веками глазницы пылали внутренним багровым светом. Наконец ему удалось сорваться, и он свалился в придорожную канаву. Быстро поднявшись, он пошарил рукой в траве и поднял какую-то тряпку, которую тут же повязал вокруг головы на манер банданы. Изобразив в нашу сторону грациозный поклон, он развернулся и скорым шагом направился в сторону леса, раскачиваясь под самыми немислимыми углами. По траве перед ним скользили два багровых круга, как будто он подсвечивал себе дорогу карманными фонариками.

– Всего хорошего, – произнесла Леди ему вслед и опять повернулась ко мне.

Я судорожно вздохнул:

– Они что, все разбегутся?

– Конечно, как только созреют.

– Ага...

...и падают спелые яблоки

сквозь осень листвы золотой!.. – профессиональные навыки возвращались. – А что такое пришлец? Местный юродивый? Или призрак, привидение, бесноватый, пария, душегуб по призыванию, наемный убийца и членовредитель?

– Т-т-т! Ты что-то зачастил. Столько умных слов. Имей в виду – я не человек и тебя не боюсь.

– Я тебя и не пытаюсь запугать. Я хочу знать, если я пришлец – то кто я?

– Ты – миф. Миф, правда, страшный и очень редкий. Если полные люди узнают, что ты пришлец, тебя тут же сожгут в синем пламени.

– Это что – паяльной лампой?

– Я не знаю, что такое паяльная лампа, а синее пламя – это единственное средство уничтожить пришлеца. Полностью. При этом, пока он горит, его держат в круге восемь полных магов.

И тут во мне что-то надломилось. Не в силах далее выносить полную идиотизма ситуацию, я со стоном закрыл глаза и поднял лицо кверху.

– О Господи! Либо дай мне проснуться, либо вразуми, куда и зачем я попал и как мне отсюда выбраться!

Ответом мне было полное молчание. Открыв глаза, я увидел над собой в темном, почти черном небе яркую звезду. Я лег на спину, не отрывая глаз от звезды. Вокруг царил безмолвие. Ни звука. Как в подвале.

– Ну, не расстраивайся ты так, – раздался голосок Леди, – зачем ты сюда попал и как тебе отсюда выбраться, я не знаю. А вот куда ты попал, я тебе поведаю.

И она начала свой рассказ.

По ее словам, я находился в Мире Спокойной Воды, где жили обычные люди, только их было очень немного – не более пятисот тысяч. Я, правда, не совсем понял, какую территорию объединял этот мир, но Леди заявила, что это весь обжитой мир, ограниченный с севера непроходимыми горами, с востока и юга столь же непроходимой и безжизненной пустыней, в которой терялись две реки, пересекавшие этот мир с севера, с гор, на юг и юго-восток, а с запада – морем, настолько бурным, коварным и неисследованным, что даже жители побережья не решались пускаться в плавание.

Все население этого Мира делилось на своеобразные группы или касты. Наиболее крупной из них была группа так называемых полных людей или неполных магов. Сами они предпочитали первое название. Это были крестьяне, ремесленники, купцы, воины, в совершенстве знавшие свое дело, то есть знавшие и умевшие применять «магию своего ремесла», как сказала Леди. Были и неполные люди, или ученики. Эти также имели в руках какое-нибудь ремесло, но не владели профессиональной магией, или владели неполно, поэтому результаты их труда ценились значительно ниже. Очень редко в учениках оставались на всю жизнь. Как правило, человек рано или поздно осваивал необходимые магические навыки.

Люди, овладевшие философской магией, как сказала Леди – «магией стихий», назывались полными магами или неполными магистрами. Таких было сравнительно немного, и, как правило, они являлись правителями областей и городов. Так, изуродованный мной Арк правил близлежащим Холмом и его окрестностями. Кроме того, в Мире было девять полных магистров и один Великий Магистр. Центрального правительства в Мире Спокойной Воды не было. Но, по слухам, существовал какой-то темный Совет, принимавший решения по жизненно важным вопросам и отслеживавший их исполнение. Во всяком случае, немногие существовавшие законы знали и соблюдали все жители Мира, включая магистров. Законы для различных категорий людей были различны и права далеко не равны, но каждый, как я понял, знал свою границу. С людьми, нарушившими закон, случались серьезные неприятности. Человек просто превращался либо в животное, либо в предмет, и все знали, чем или кем стал нарушитель.

И наконец, самое главное из того, что рассказала Леди. Пришлец – это человек, потерявший себя. Обычный, ничем не примечательный человек в одно мгновение забывает все, что знал и умел. Забывает все и навсегда. Он начинает называть себя другим именем, рассказывает о себе небывалые вещи, называет несуществующие города и деревни, неизвестные ремесла и предметы. Но самое главное, он с невиданной скоростью начинает овладевать магией стихий и, как правило, использует ее исключительно в личных корыстных целях. Он становится страшным бедствием для Мира. Большинство войн, прогремевших в Мире и унесших множество жизней, было развязано пришлецами, которых не удалось вовремя опознать и уничтожить. К счастью, опознать пришлеца достаточно просто. У него – «кошачий зрачок». Поэтому Леди так удивилась, увидав, что у меня зрачки обычные.

Явление это было достаточно редким, случавшимся не чаще одного-двух раз в столетие, но чрезвычайно запоминающимся. Даже если пришлеца сразу раскрывали, а в первые часы он был практически беспомощен, его казнь становилась событием, о котором помнили несколько поколений.

Пришлецом никогда не становился полный маг, а тем более магистр. Очень редко в пришлеца оборачивался ученик. Никто никогда не слышал, чтобы пришлецы просто и мирно уходили. Их всегда уничтожали.

– Если кто-то и способен вернуть тебя в твой мир, – тихо сказала мне Леди, – то только один из магистров с помощью Долгой Книги. И то не наверняка. Где они находятся и как их найти, я не знаю. Тысячи людей за всю жизнь ни разу не встречали магистра и только рады этому.

Когда она закончила свой рассказ, было далеко за полночь. На меня навалилась теплая беззвучная ночь. Ушел еще один повешенный, но я лишь мельком обратил на это внимание. В голове было тихо и пусто. Полная безысходность. Я закрыл глаза и заснул.

2. Сбор

...Если Вам нравится спать на открытом воздухе, старайтесь этого не делать на голой земле в незнакомом месте. Обязательно подстелите лапник, ветки, походный матрасик и тепло оденьтесь. Иначе Вам продует поясницу или за шиворот заползут неприятные насекомые, и Вы после такого сна не будете чувствовать себя отдохнувшим...

Утро было чудесное. Солнце только показалось над горизонтом, чистое и высокое небо дышало прохладой. Ни туман, ни облака не застилали его чистой сапфировой синевы. Ночная тоска растаяла без следа, но в груди было как-то пусто и тревожно. Виселица тоже опустела. Обрывки веревок сиротливо покачивались под утренним ветерком.

Леди рядом не было. «Ну вот, – подумал я, – все разбежались от несчастного пришлеца. Где моя зверская магия? Ну держитесь, щас буду колдовать!»

Судя по внутреннему состоянию, я все-таки пришел в себя. Теперь нужно решить, что делать дальше. Программа максимум – искать магистра. Программа минимум – позавтракать.

И как бы в ответ на мои мысли до меня донеслось:

– Завтра-кать, завтракать...

В траве яркой денежкой замелькала золотая шкурка. Я опустился на одно колено и протянул к земле руку. Леди быстро скользнула мне на плечо.

– Пошли. Надо привести тебя в порядок и позавтракать.

Меня развернуло на месте и мои ноги пришли в движение. Поскольку ногами управлял явно не я, мое тело раскачивалось и едва не падало. Я сразу вспомнил уходивших висельников, и мне стало жутко.

– Стой! – заорал я.

Мои ноги остановились, и я едва не грохнулся носом в траву.

– У тебя здесь остались неоконченные дела?

– Да! Во-первых, надо собрать личные вещи! Во-вторых, если ты сообщишь, куда мы направляемся, я смогу переставлять свои ноги сам!

– Гм, пожалуй, ты прав.

Меня сразу же отпустило, и от неожиданности я сел.

– Ну что ты! Зарядкой решил заняться. Первое упражнение – приседания. И раз, и два.

Меня подкинуло вверх, и я выпрямился.

– Ты так и будешь меня таскать? – уже спокойнее спросил я.

– Дела надо делать поутру. Торопись.

«Тоже мне, Винни-Пух», – мелькнуло у меня в голове.

– Кто такой Винни-Пух?

– Читать чужие мысли некрасиво. Воспитанные леди так не поступают.

– Так ты не вслух говоришь. Как же мне отличить, когда ты говоришь, а когда думаешь.

– Ты хочешь сказать, что мои мысли будут слышать все?

– Раз слышу я, скорее всего услышат и другие.

Надо было срочно придумывать какой-нибудь блок или фильтр. Я усмехнулся и, вспомнив старый роман Беляева, представил у себя на голове клетку нашего офисного попугая, от которой тянулся провод, волочившийся по земле. Видение было настолько яркое, что я машинально пощупал голову. Колтун из волос и крови засох окончательно, но раны я не почувствовал. Неужели голова уже зажила? За одну-то ночь.

– Что замолчал? Расскажи, кто такой Винни-Пух.

– Винни-Пух – это такой зверь, медведь, у которого голова набита опилками. Он сказал: кто ходит в гости поутру, тот поступает мудро.

– Видимо, у вас очень мудрый мир, если зверь с набитой опилками головой изрекает такие мысли.

Тут я расхохотался.

– Нет. Это не живой зверь. Это главный герой одной повести. Для детей.

– Повесть для детей? Это что, сказка, которую рассказывает бабушка?

– Нет. Это книга, которую написал один англичанин. Или американец.

– Книга для детей?! Это невозможно! Книга – это высшая магия! Дети с ней справиться не могут!

Я подумал, что она, пожалуй, права в оценке книг. И дети действительно не всегда могут с этой высшей магией справиться. Тогда либо книга с ними расправляется, либо дети перестают читать. Но вслух я глубокомысленно произнес:

– Знаешь, мне кажется, в области искусства наши миры очень отличны. Договоримся, что мы говорим друг другу правду, какой бы невероятной она нам ни казалась.

Пока мы так переговаривались, я подобрал с земли ярко-желтый пояс из толстой кожи, на котором с обеих сторон висели ножны, и повязал его. В ножны я вставил меч и кинжал, предварительно очистив клинки травой. Оружие привлекло меня. На серебристой стали меча русской затейливой вязью было выписано слово «Поющий», а вороненый, иссиня-черный, клинок кинжала украшали серебристые буквы, складывавшиеся в слово «Молчащий». Шершавые и странно теплые рукояти удобно ложились в ладонь, полностью сливаясь с рукой и становясь ее естественным продолжением. Разрубленный шлем я брать не стал, зато валявшийся в канаве кусок вишневого бархата оказался шикарным плащом на алой шелковой подкладке, и я накинул его на плечи, побеспокоив Леди. Пряжка с рубином на правом плече ей очень понравилась. Она заявила, что рубин идет к ее глазам. Оглядевшись кругом, я сообщил, что к походу готов.

– Ну что ж, тогда двигаем в сторону леса, – почти пропела Леди, – и посмотрим, насколько ты скор на ногу.

Я всегда считал себя неплохим ходоким и привычно зашагал – два шага в секунду.

Идти было легко. Низкая трава мягко пружинила под ногами. Одежда, несмотря на всю ее несуразность, была очень удобной и не стесняла движения. Только плащ был, пожалуй, длинноват и иногда цеплялся за задранные шпоры. Как ни странно, даже перевязь легла удобно, и ни меч, ни кинжал не мешались и в то же время были как бы под рукой. Левая рука привычно лежала на рукояти меча, отводя его назад и в сторону. Правая по-прежнему в перчатке коротко отмахивала в такт ходьбе. Скоро мы вошли в лес.

Леди в это время рассказывала:

– Когда ты заснул... Ну и здоров же ты спать. Это ж надо, только попал в чужой мир – и сразу дрыхнуть!.. Так вот, когда ты заснул, я направилась домой к отцу и упростила его отпустить меня с тобой. Он поверил в то, что я ему о тебе рассказала, только когда сам тебя увидел. Он сказал, что таким рыжим надо помогать и не надо мешать. Так что я смогу тебя проводить до магистра. Это колоссальное приключение – странствие золотой Леди с Рыжим Пришлецом. Прямо эпическая сага.

– Подожди. Ты что, приводила все свое семейство поглазеть на несчастного, всеми гонимого пришлеца, которого завтра, возможно, будут палить неведомым мне синим пламенем? И потом, почему вы решили, что я рыжий. Вы что, в темноте не разглядели мой колер?

– Т-т-т! Несчастный, гонимый... рыжий громила со страшным мечом! Я не удивлюсь, если ты завтра, вместо того чтобы гореть синим пламенем,чинишь зверскую войну. Колер его перепутали. Посмотри на себя. Таких-то рыжих выпускают в единственном экзем-

пляре, – и вдруг тихо и задумчиво добавила: – Рыжие – самые сильные маги. И самые коварные.

Тут же, уставив свои рубиновые глаза мне в лицо, она грозно поинтересовалась:

– А что-то ты стал таким молчаливым? За последние десять минут ни одной дурацкой мысли?

На самом деле различных мыслей и соображений в моей голове было пруд пруди. Особенно о том, что я никогда не был рыжим и не мог себя таким даже представить. Но получалось так, что Леди перестала их слышать или я перестал их транслировать. И тут я вспомнил, как поставил на своей голове попугайскую клетку.

– А я свои ценные дурацкие мысли экранировал, – гордо заявил я, – нечего тибрить чужую интеллектуальную собственность.

Пристально глядя мне в глаза, Леди поинтересовалась:

– Как это – экранировал?

Когда я ей объяснил, каким образом мне удалось лишить ее возможности читать мои мысли, она опять положила мне голову на плечо и с нескрываемым изумлением прошептала:

– Магия уровня философской! Видимо, вы, пришлецы, действительно чрезвычайно способные маги!

Но я не особенно задумался над ее словами, поскольку как раз в этот момент мы вышли на чудесную лесную поляну.

Небольшой пятачок ярко-зеленой густой травы тесно обступили высокие раскидистые дубы. Кустарника и подлеска практически не было, поэтому создавалось впечатление, что лес постоянно чистят. На противоположном краю поляны трава была значительно гуще и темнее с редкими, высокими ростками осоки, я сразу понял, что там протекает ручей. Вся поляна заросла побегами земляники, и спелые ягоды ярко алели сквозь траву, но почему-то ее никто не собирал. Посреди поляны лежал большой плоский серый камень, напоминающий языческий алтарь. От камня к ручью вела прямая утоптанная тропинка, исчезающая за ручьем в корнях дубов. На камне виднелся большой белый узел.

Я направился было напрямиком к ручью, но меня остановил тихий шепот Леди:

– Надо в обход, под деревьями.

Не задавая вопросов, я свернул под дубы и, осторожно ставя ноги, пошел в обход поляны. Приблизившись к противоположной ее стороне, я увидел в траве сверкание воды. Ручей был неширок, но казался глубоким и чистым. Когда я присел у воды, Леди соскользнула с моего плеча и, шепнув: «Умывайся...» – исчезла в густой траве поляны.

Я скинул плащ, стянул сапоги, под которыми оказались самые обычные портянки, снял пояс с клинками, кольчугу, за ней, немного подумав, штаны и рубаху, а затем с наслаждением погрузился в воду. Холодная вода, обволакивая разгоряченное ходьбой тело, казалось, уносила с собой не только грязь и пот, но и усталость, тревогу и страх, который подспудно грыз и грыз мне душу.

Действительно, только сейчас я окончательно понял, что попал в какую-то совершенно непонятную мне жестокую передерягу, которая закончится для меня скорее всего весьма плачевно.

Но тело мое (или не мое) отдыхало в этой спокойной, прохладной воде. Я тщательно и аккуратно промыл голову и ощупал ее. Засохшую кровь смыло, и под ней над самым ухом я нащупал широкий и плотный рубец, который совершенно не болел.

Наплескавшись вдоволь, я наконец вылез на берег и, озираясь по сторонам, быстро обтерся рубахой и оделся. Почему-то мне очень не хотелось, чтобы Леди увидела меня голым.

Когда я натягивал сапоги, мне в голову пришло, что неплохо бы поглядеть на себя – каков я есть. Но где взять такое зеркало? Впрочем, если Леди права и пришлецам в этом

мире действительно доступна магия, не попробовать ли мне чего-нибудь такое наколдовать. Ухмыльнувшись, я подошел к берегу ручья, прикрыл глаза, мысленно протянул руки к другому берегу и ухватился за край воды. Ладони защекотала текучая прохлада. Немного напрягшись, я рывком поставил полотно воды вертикально и открыл глаза. Передо мной стояло переливающееся зеркало, в глубине которого резвились маленькие рыбки и лениво шевелились темные водоросли. В этом зеркале отражался здоровенный, высокий детина лет двадцати пяти в яркой, но сильно заляпанной грязью одежде, с длинным мечом у пояса, на эфесе которого покоилась левая рука. Правая рука, затянутая в перчатку, свободно свисала вдоль тела. Продолговатое симпатичное лицо с ярко-синими глазами и тонким, длинным, прямым носом заросло золотистой щетиной. Его голова была покрыта густой лохматой шевелюрой цвета чистого пламени, спускавшейся до плеч.

Рыжий!

Вздыхнув, я протянул затянутую в перчатку руку к зеркалу, и оно тут же, мягко вздохнув, ухнуло на свое прежнее ложе, ударив волной в мой берег и подняв со дна коричневое облако ила.

Рыжий!

Но что-то еще беспокоило меня в том изображении, которое я увидел. Да, во-первых, на том парне в зеркале не было кинжала, во-вторых, похоже, я купался, не сняв перчатку.

Я поднял правую руку к глазам и внимательно ее осмотрел. Ладонь до запястья была затянута в желтую плотную кожу, на которой были приклепаны поперечные металлические полосы. Заканчивалась перчатка простроченной каймой, но, когда я попытался потянуть край перчатки, вместе с ним оттянулась и кожа руки. Перчатку невозможно было снять, она была частью руки и при этом совершенно не мешала пальцам двигаться и ощущать прикосновения.

– Ну что, ты готов? – раздался голосок Леди. – Тогда пошли завтракать.

Я зашагал следом за своей провожатой по протоптанной тропинке к центру поляны, к большому серому камню.

Усевшись возле камня, я развязал лежащий на нем большой узел из грубого отбеленного полотна. Внутри оказался каравай черного хлеба, похоже, домашней выпечки, приличный кусок копченого мяса, четыре огурца и каменный кувшин с молоком. Увидев эту снедь, я понял, что почти умираю с голоду. До сих пор было как-то не до еды. Леди свернулась клубком на камне напротив.

– Что вам положить, Леди, – галантно обратился я к своей спутнице.

– Немного молока, пожалуйста.

Я снял с кувшина крышку, напоминавшую маленькое глубокое блюдо, и, поставив его перед Леди, плеснул в него молока. Кинжалом нарезал крупными ломтями хлеб и мясо, разрезал вдоль два огурца, но посолить их было нечем. Леди с интересом наблюдала за моими действиями. Я взглянул на нее, взял ломоть хлеба, положил на него кусок мяса, накрыл все половинкой огурца и с наслаждением откусил. Продукты были, что называется, отменного качества, а клиент, который всегда прав, достаточно голоден, поэтому за столом довольно долго царил полное молчание, нарушаемое только сочным хрустом огурцов. Леди, поглядывая на меня, прихлебывала свое молоко.

Утолив первый, самый зверский голод, я поискал глазами, во что бы налить себе молока.

– Пей из горшка. – В голосе Леди явно звучала смешинка.

– Могу ли я вместе со своей глубочайшей благодарностью за спасение от голодной смерти задать праздный вопрос?

– Валяй, вместе с благодарностью.

– Откуда такая замечательная еда? Разве в вашем краю змеи разводят молочный и мясной скот и сооружают предприятия пищевой промышленности?

Леди удивленно подняла свою изящную головку:

– Слушай, ты попроще можешь выразиться? А то я чувствую себя как при дворе полоумного принца.

– Ты знаешь, я, пожалуй, действительно напоминаю полоумного принца Гамлета. Когда я вижу, что надо мной подсмеиваются, я всегда начинаю нести заумь.

– Гамлет?.. – протянула она задумчиво. – Нет, не знакома... И никто над тобой не подсмеивается. А продукты... Ну, видишь ли, я все-таки не какая-нибудь гадюка бездомная. Я из очень высокопоставленной, можно даже сказать, королевской семьи. А люди, живущие в округе, почитают меня, как весьма серьезную богиню местного значения, с которой опасно ссориться. Так что, ты сидишь за алтарем в храме, посвященном мне, и вкушаешь жертвенные дары, мне принесенные. Вкусно?

Я поперхнулся молоком и внимательно оглядел «храм».

– Так именно поэтому по этой траве нельзя ходить?

– По этой траве не ходят и из почтения ко мне, и потому, что это очень опасно для жизни. Ты что, никого не видишь?

Я еще раз внимательно огляделся. Шагах в пяти от алтаря из травы показался развернутый капюшон королевской кобры. Да, здесь действительно не погуляешь.

– Если ты сыт, то собирай остатки, и поехали. Поговорить можно и в пути.

– Ну, допустим, ты поедешь на мне, – сказал я, заворачивая остатки еды в полотно, – а на ком поеду я?

Завязав узел, я протянул Леди руку, и она быстро скользнула на свое привычное уже место на моем плече.

– Ты, как тебе и положено, поедешь на боевом коне. Нельзя же такого молодца усадить в телегу. Или в карету, даже если бы ее можно было достать.

Я в детстве пару-тройку раз катался на лошади и не могу сказать, чтобы получал при этом большое удовольствие. Особенно в тот раз, когда я не успел усесться на спине у лошади, а она тронулась в путь. Лошадь тихо шла по дороге, я уныло болтался у нее на боку, корябая ее шею ногтями, а мой двоюродный братец лежал в придорожной канаве, помирая от хохота. Зараза! Это он подбил меня «прокатиться на лошадке». Шагов через пятнадцать я грохнулся на дорогу, а мудрая скотина аккуратно обошла меня и пошла дальше, даже не обернувшись. Так что считать себя достаточно опытным наездником я не мог. Что и высказал Леди.

Она удивленно подняла головку:

– По твоему виду не скажешь, что ты не знаком с основами верховой езды. Но поскольку другого транспорта все равно нет, я думаю, что ты справишься.

Ее уверенность меня несколько приободрила.

Мы покинули храм моей подруги по уже знакомой тропинке и двинулись вдоль ручья, вниз по течению. Буквально через несколько шагов я увидел привязанного к дереву коня.

Я уже говорил, что недостаточно разбираюсь в лошадях, но эта мне очень понравилась. Высокий гнедой жеребец, с черной гривой и хвостом, широкой грудью и чуткими ушами косился на меня огромным влажным глазом из-под длинной челки. Передние ноги у него были одеты в белые чулочки, а на лбу звездой сияло небольшое белое пятно. Сбруя и седло из простой коричневой кожи с железным набором были не новые, но прочные.

Когда я подошел, конь потянулся ко мне теплыми ноздрями и шумно фыркнул. Я очень удивился, что на Леди он не обратил никакого внимания, – насколько я представлял себе лошадиные повадки, конь должен был бояться змей.

– Похоже, ты ему понравился, – раздался ее мелодичный голосок. – Надо будет выразить свое удовольствие Мишле. Мишля – это мой главный жрец, чтоб ты знал, – добавила она.

Я отвязал повод и закинул его на спину лошади. Затем подошел сбоку, вставил ногу в стремя и, ухватившись рукой за передок седла... Как бы мне хотелось сказать «соколом взлетел в седло затанцевавшей подо мной лошади», но, правды ради, приходится сказать... взобрался на коня.

Как только я оказался в седле, Ворон, как я назвал про себя этого красавца, мотнул головой и двинулся мерным шагом между деревьями по едва заметной тропинке.

– Ты его не дергай, – прошептала Леди, – пока что я его поведу.

– Так куда мы направляемся?

– Я думаю, тебе надо попасть в Холм. Только там мы сможем разыскать необходимую информацию и нужных людей. До Холма мы, не торопясь, доберемся за два-три дня. За это время ты лучше узнаешь наш мир и, может быть, самого себя. А дальше ориентируемся.

3. Путь

...Я стараюсь, чтобы знакомые мне люди были или моими друзьями, или моими врагами. Я боюсь безразличных знакомых. Если Вы человеку безразличны, его действия в отношении Вас совершенно непредсказуемы.

Правда, его действия также непредсказуемы, если он Вам друг или враг...

Солнце стояло уже достаточно высоко, когда тропинка, по которой мы продвигались, незаметно превратилась в довольно широкую тропу. Видимо, ею часто пользовались местные жители, и хотя назвать дорогой ее еще было нельзя, но уже можно было не пригибаться, увертываясь от низко растущих сучьев. Деревья расступились, и яркое синее небо в обрамлении высокой зелени казалось широкой лентой, потерянной в траве. Лучи солнца, проходя сквозь листву, вырисовывали на плотной низкой траве причудливый ковровый узор, в котором терялись мелкие лесные цветочки.

Леди рассказывала в основном о себе, потому что, по ее собственному уверению, с Миром людей была знакома недостаточно и не хотела, чтобы у меня создалось о нем превратное мнение.

– С миром людей ты и сам рано или поздно разберешься, но мне хочется, чтобы ты достаточно хорошо знал, с кем пустился в путешествие, – заявила она.

Как я понял из ее рассказа, она была «продуктом» какого-то давнего, забытого волшебства, одним из тех чудес, которые создавали маги этого Мира в далеком прошлом из самых обычных животных.

– Так что ты не очень удивляйся моему поведению или некоторым моим способностям. Тебе, возможно, придется повстречать и другие весьма удивительные существа, – постоянно повторяла она.

Слышать ее и разговаривать с ней могли немногие – двое-трое ее жрецов, кузнец из ближней деревни, несколько детей. Все прочие люди ее не понимали, очень боялись и далеко обходили ее поляну. Причину этого я так и не понял, но, по ее словам, ее считали чрезвычайно опасной. Поэтому-то круг ее знакомых был довольно ограничен, и ее очень обрадовала возможность пообщаться со мной.

Так, беседуя и подтрунивая друг над другом, мы потихоньку продвигались вперед. Безмятежная тишина и покой были разлиты вокруг. Даже появившийся утром ветерок затих к полудню.

Именно в этот момент полного покоя мой меч вдруг запел.

Было такое ощущение, что басы большого мужского хора повели негромко, но мощно какую-то древнюю мелодию без слов. Несложная гармония из пяти-шести нот, однообразно повторяясь, казалось, оплетала тело невидимыми живыми канатами, поднимая из глубин подсознания восторг и ужас неслыханных битв. Тон мелодии постепенно повышался, и вот в нее вступили баритоны. Я ничего не слышал, кроме этой завораживающей мелодии. Волосы на моей голове стали подниматься, как наэлектризованные. По ладони правой руки под рукавицей прошло покалывание, и в ее середине забилося невидимое сердце, подчиняясь ритму звучащей в моей голове мелодии. Меч у меня на боку резонировал в такт звуку, и его рукоять казалась размытой. Звук поднялся еще выше и в общее звучание стали вплетаться тенора. Рука в перчатке, словно подчинившись чужой воле, поднялась и легла на рукоять меча. И вдруг, взвизгнув дискантом, мелодия умолкла. Пальцы правой руки сомкнулись на рукояти и рука сразу успокоилась.

Мы выехали из-за поворота и увидели, что поперек тропы лежит здоровенное дерево, на котором восседает молодой парень, покачивая на коленях заряженный самострел. Ворон остановился шагах в пяти от препятствия и, задрал голову, заржал.

– Привет, – произнес парень, – вот и свиделись.

Леди не проявляла беспокойства, поэтому я, несмотря на свои сведенные на рукояти меча пальцы, ответил достаточно спокойно:

– Ну и что дальше?

– А дальше – все, – весело осклабился парень. – Слезай с лошади и снимай с себя все.

– Ха, Робин Гуд хренов. Ты что, думаешь, напугал меня своей пукалкой.

Парень озадаченно посмотрел на свой самострел и, подняв голову, заявил:

– Кольчужка мне твоя нравится, портить жалко. Придется бить тебя в глаз.

– Из твоей стрелялки не то что кольчугу, глаз пробить вряд ли удастся. И как ты думаешь, что с тобой будет, когда ты промажешь.

Тут, видимо, паренек окончательно обиделся.

– Над моими стрелами работал полный маг, мои стрелы мимо не летят, – вдруг заорал он. – А если ты по-хорошему не понимаешь, поговорим при свидетелях.

При этих словах из придорожных кустов вылезло еще человек восемь мужиков достаточно ободранного вида. В руках у них были обычные топоры, и только двое неловко держали грубо выкованные мечи. Мужики сгрудились позади своего предводителя, глухо ворча какие-то ругательства. Тот приосанился и грубо скомандовал:

– Ну, позубоскалил, хватит. Слезай, а то поможем.

Моя рука потянула из ножен Поющего, но тут мне в ухо быстро зашептала Леди:

– Погоди с мечом. Говори то, что я подскажу, только будь пострашнее.

Я выпрямился в седле и, грозно сведя брови, заорал:

– Как вы посмели, дерьмо безмозглое, заявиться в лес Золотой Погибели с оружием. Жизнь вам, конечно, опостылела, но не до такой же степени. Давно не встречали хозяйку леса?! Соскучились!

Мужики замолчали и робко попятнулись. Двое приложили правые ладони ко лбу и быстро провели ими до подбородка, не то умываясь, не то что-то стирая с лица.

Их командир мгновенно среагировал на изменение настроения своих подручных и, соскочив с лежащего дерева, заорал, в свою очередь, размахивая самострелом:

– Нашел кого пугать детскими сказками. Где она, твоя Золотая Погибель? Бабка темная ее придумала, детей малых пугать. Если ты под ее охраной, пусть покажется и сама об этом скажет. А мы посмотрим, правда ли, что у нее шкурка золотая. Проверим пробу. Ха-ха! Считаю до пяти. Слезай или пусть тебя воскресит твоя Золотая Погибель! Раз...

Поскольку Леди молчала, молчал и я, хотя имел, что сказать.

– Два...

Моя рука опять потянула Поющего из ножен, и опять я услышал тихое:

– Спокойно...

– Три... – Парень начал поднимать свой самострел.

И тут у меня над ухом раздался мелодичный свист, а затем звук, напоминающий плеток. На лбу у главаря шайки появилось небольшое красное пятно, словно кожа лопнула от резкого удара. Края раны потемнели, как бы обугливаясь, и сама рана стала быстро расти. Казалось, что кожу на лице и черепе быстро пожирает невидимый огонь. Парень уронил свой самострел и с диким воплем: «Мама!» схватился руками за голову. Кожа на ладонях тотчас потемнела и стала также исчезать. Ноги у несчастного подогнулись, и он упал сначала на колени, а затем навзничь. Из горла у него вырывались невнятные звуки, поскольку ни губ, ни языка у него уже не было. Его руки беспорядочно скребли землю, а ноги дергались, срывая куски дерна. Через мгновение он затих, а еще через несколько секунд перед нами

лежала груда одежды. Воротник рубахи венчал голый белый череп, а из рукавов торчали белые кости кистей. В зубах у черепа была зажата большая, похоже, золотая монета.

Мужики, уронившие свое вооружение, со стеклянными глазами, все как один, сучили лапами по своим мордам. Двое в мокрых штанах стояли на коленях, а один, неловко лежа на брюхе, бормотал:

– Пощади... пощади... пощади...

В воздухе нехорошо запахло.

Ворон, переступая точеными ногами, слегка попятился от завонявших злодеев.

– Вот ты, – я протянул руку и указал на казавшегося наименее испуганным верзилу, – подойди сюда.

Мужик, с трудом переставляя ноги, сделал несколько шагов в мою сторону. Остальные, кроме того, что лежал на пузе, как по команде, стали пятиться назад.

– Стоять! – заорал я на них и, обратившись к впереди стоявшему, повторил вопрос Леди: – Рассказывай, кто вас надоумил прийти в этот лес с оружием и нападать на мирных путников?

– Господин, – просипел он и замолчал.

Несколько последних лет очень многие пытаются именовать меня «господин». Но когда это слово употребляют вкупе с моим именем или фамилией, сам говорящий теряется и краснеет, понимая весь идиотизм такого обращения, а я ясно чувствую издевательство и насмешку и начинаю нести свою обычную ахинею.

Но в этом случае я сразу понял, что мужичок действительно считает меня господином и другого обращения не мыслит. Поэтому я кивнул и, подбадривая его, произнес:

– Продолжай.

Несколько приободрившись, мужик повторил:

– Господин, – а затем через паузу продолжил: – Мы все из Сизой Топи. Две недели назад к нам приехал герольд из Холма и объявил, что хозяин Холма, полный маг Арк, приглашает всех желающих на охоту за Огненным Вепрем. Всем, кто будет рядом с ним, когда он встретится с Вепрем, Арк обещал по целому желтяку.

– Желтяк – это золотая монета, – пояснила мне Леди. – Сумасшедшие деньги.

– Мы понимали, что с Вепрем будет разбираться сам Арк, а нам достанется Вепрева свита. Конечно, этот орешек тоже не по нашим зубам, да ведь деньги-то, господин, какие. Недельку мы думали, да и собрались. А Гришня со своим самострелом... – он с ужасом кивнул на валявшуюся груду одежды, – все зудел: слушайте меня, целы будете и с желтяками. А когда пришли в Мох, слышим – Арк уже разделался с Огненным Вепрем и отправился в Холм отращивать себе новую руку. Тогда Гришня и предложил подождать на тропинке. Что ж мы, говорит, так и пойдем назад с пустыми карманами. Вот мы и завалили деревце поперек тропы, а ведь знали о Золотой Погибели. Все Гришня, сука. Сказок наслушались... в штаны наложили...

Мужик замолчал, опустив голову. Молчали и остальные, даже лежавший перестал талдычить свое «пощади».

Леди недовольно проворчала:

– Пусть дерево с дороги уберут, железо свое закопают и убираются в свою Сизую Топь.

– Ладно, – сказал я, – Гришня ваш свой желтяк получил. Если сами не хотите зубками за золото ухватиться, убирайте с дороги дерево, закапывайте свое железо и, никуда не заходя, двигайте в свою Сизую Топь. Золотая Погибель вас пощадила.

Мужики похватили свои топоры и живо принялись обрубить на лежащем дереве сучья. Затем, с помощью неизвестно откуда взявшихся веревок, шустро сволокли ствол в лес. Минут через десять дорога была свободна, а мужики принялись мечами копать на обочине яму, о чем-то тихо переговариваясь. Закончив копать, они спихнули в яму завернутые в

одежду кости, оставшиеся от Гришни, бросили туда же мечи, а затем встали вокруг ямы, поглядывая на верзилу, с которым я говорил. Тот шумно вздохнул и направился в мою сторону. Подойдя поближе, он опять вздохнул и заговорил, оглядываясь на своих товарищей:

– Господин, пощади, разреши забрать топоры домой. Как в хозяйстве без топора. Семку вон жена без топора из дому выгонит. Разве ж новый топор купишь. Попроси Золотую Погибель оставить топоры. Мы отслужим. – Все согласно закивали патлатыми головами.

Леди помалкивала, и я согласно кивнул:

– Забирайте.

Мужики быстро закидали яму землей и направились к кустам, из-за которых раньше появились. Только тот, что со мной беседовал, переступая с ноги на ногу, задержался и вдруг выдохнул:

– Господин, можно спросить? – и остановился, открыв рот, сам изумленный своей наглостью.

– Ну, – коротко бросил я.

– Господин, – мужик просветлевшими глазами в упор разглядывал меня, как будто хотел заглянуть под плащ, прикрывавший мою левую руку, – а кота с тобой нет?

– Какого кота? – Я в изумлении уставился на мужика.

– Такого черного, здоровенного.

– Нет со мной никакого кота, – заорал я, почувствовав скрытую издевку. – Проваливай!

Мужик, как мне показалось, с облегчением вздохнул и припустился за своими поделщиками, ожидавшими его около кустов, что-то им глухо пробормотал, и все они гурьбой поломали сквозь кусты.

– Весь лес потопчут, – проворчала Леди.

– Так, значит, ваше полное имя, Леди, Золотая Погибель? Преклоняюсь. – Я послал Ворона вперед. – Теперь я понял, почему для вас не проблема продукты питания и средства передвижения. Где можно обучиться такому плевку? Готов платить за уроки!

– Т-т-т, понесло... – Леди явно была смущена. – Нигде уже не научишься.

– Как так. Неужели утраченное искусство?

– Понимаешь, много веков тому назад одному великому магу был сделан заказ на создание существа, которому можно было бы доверить охрану кладов. Маг перебрал множество вариантов, начиная от привидений и кончая одушевленными клинками. Но самым эффективным средством, как оказалось, была змея, вооруженная таким вот способом убивать. Причем убитый всегда держал в зубах золотой, в знак того, что он покушался на чужое добро. Так был создан мой предок. Но побочным явлением наложенного заклятия стало то, что заклятая змея приобретала почти человеческий разум, способность, хотя и ограниченную, общаться с людьми и иметь только одного детеныша. Так вот, рождая попеременно то сына, то дочь, наш род дошел до меня. Я последняя. Поэтому отец и не хотел отпускать меня с тобой.

– И для тебя очень опасно сопровождать меня?

– Знаешь, мы все время своего существования не покидали этого леса. В нем наша способность действует очень эффективно. В округе нас знают и почитают. А что будет вдали от этого места, не знает никто. Стоит ли рисковать?

– Так, может быть, тебе остаться?

– Нет! Я ж умру от любопытства, если не узнаю, что же с тобой станется. Кто же мне расскажет, если я сама не увижу? И потом, разум у меня почти человеческий, ты мне понравился, и я очень хочу тебе помочь.

Мы оба как-то смущенно замолчали.

Ворон с шага перешел на неспешную рысь. Солнце повисло на вершинах деревьев, готовясь нырнуть за горизонт. В воздухе посвежело, потянуло легким ветерком.

– Зато теперь я знаю, кем ты был, пока не стал пришлецом, – бодрым голосом заговорила Леди. – Это ж тебя величали Огненным Вепрем. И с тобой выяснял отношения Арк из Холма. Послушай! – вдруг воскликнула она. – Эти олухи заявили, что с тобой мог справиться только сам Арк, а это значит, что Огненный Вепрь – полный маг!

– Ну и что? – спросил я.

– А то, что маг никогда не становился пришлецом!

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – философски изрек я.

– И этот мужик, – лихорадочно продолжала Леди, явно меня не слушая, – он, видно, сразу об этом подумал. Набрался смелости и спросил про кота!

– Да в чем дело? – встревожился наконец и я.

Леди подняла голову и внимательно поглядела мне в глаза:

– Существует среди людей то ли легенда, то ли предание о том, как великий маг-прорицатель, первый маг этого Мира, перед своей смертью предсказал, что гибель этого Мира наступит с приходом рыжего пришлеца с золотой змеей на плече и черным котом за пазухой, – она запнулась и повторила тише: – С золотой змеей на плече...

Ее тело дернулось, как будто она хотела упасть в траву, и замерло на моем плече.

Интерлюдия

В обычном московском доме, расположенном на Ташкентской улице, на подоконнике грязной лестничной площадки, поджав под себя лапы, сидел небольшой угольно-черный кот. Впрочем, точнее было бы сказать так: это был еще не кот, но уже не котенок. Его совершенно черная шкурка была тщательно вылизана и выглажена, а полузакрытые зеленые светящиеся глаза с презрением скользили по замусоренной, разрисованной неприличными рисунками и не менее неприличными надписями среде его обитания. Сквозь грязное стекло окна был виден пыльный двор, в котором коту были известны каждый закоулок и каждая дыра.

Кот уже сейчас, проходя по двору, не обращал внимания на мелких собачонок, во множестве разведенных жильцами дома. Когда какая-нибудь из них с визгливым брехом подбегала к нему слишком близко, ему достаточно было лишь обернуться и посмотреть в ее бегающие глазки, чтобы она, завывая, понеслась прятаться за хозяйку. Правда, во дворе появлялись и крупные собаки. Тогда кот, подпустив такого горлохвата поближе, молнией взлетал на одно из чахлах деревьев, но не прятался в листве, а принимался корчить рожи, шипеть и плевать в беснующуюся внизу собаку, доводя ее до полного исступления. Ему очень нравилось смотреть, как несчастный хозяин пытается оттащить своего задыхающегося в натянутом ошейнике «друга» от дерева, а тот, ослепнув и оглохнув от бешенства, таскает вокруг дерева своего хозяина.

Наступил полдень, и двор был пуст. Голубей, ворон и других птиц в нем давно не водилось, и сидевшие по вечерам на скамейке бабки не без причины винули в этом кота. Детей из разломанной песочницы болтливые мамы увели по домам кормить. Для мужиков, что собирались за покрытым жестью столом стучать костяшками домино, время еще не наступило.

Коту было скучно. Коту было противно. Кот никого не любил.

Он не любил сопливых ребятишек, которые тискали его, таскали за хвост и лапы, а если он давал им лапой по пальцам, слегка выпустив когти, они орали, как будто им оторвали руку. Тогда прибегали их мамы и, облизывая свои чада, визгливо ругались почему-то на него.

Он не любил старушек, которые таскали ему в блюдечках разбавленную непонятно чем воду белого цвета, называя ее молоком, или куски вонючей дряни под названием «сосиска» – слово-то какое гадкое. Однажды, когда он был совсем маленьким и совсем голодным, он попробовал такую сосиску и чуть не помер. Теперь он только брезгливо морщил нос и отворачивался, когда ему подсовывали подобную отраву, а бабки начинали зло ворчать: «Зажрался, зараза». Одна особо сердобольная бабуля пыталась накормить его «вискасом», но он решил, что лучше голодать и быть лохматым, чем один раз наесться и облысеть. Зажрался! Что они знали о голоде?

Он, как уже было сказано выше, не любил собак и старался всячески их третировать.

Но больше всего он ненавидел крыс. Месяц назад одна из них отхватила у него белый кончик хвоста, самую кисточку, которую он считал своим лучшим украшением. Крыса за это жестоко поплатилась, и с тех пор он не упустил ни одной из тех, что смог унюхать.

Он, Боевой Кот в четыреста тридцать четвертом поколении, прозябал в каком-то занюханном дворе, ночевал в лучшем случае на грязной батарее в подъезде.

Внизу хлопнула дверь. Кот насторожился, но почти тотчас расслабился. Он узнал шаркающие шаги деда из квартиры на одиннадцатом этаже. Один из немногих, кто по-настоящему понимал кота и умел с ним общаться. Один из немногих, кто частенько угощал его свежей рыбкой, кусочком печени или жирной сметаной. И никогда не трогал его руками!

Дед поднимался по лестнице, видимо, лифт опять отключили. Вместе с дедом поднимался восхитительный запах свежей печенки. Не той, замороженной до льдистого излома на срезе, которая почти и не пахла, а свеженькой, полной теплой, густой крови. Кот судорожно сглотнул, но глаз не открыл и не двинулся с места. Принцип – никогда ничего не просить – соблюдался им свято. Боевой Кот сам может себя прокормить.

Дед дошел до площадки, на которой расположился кот.

– А, Ванька, тебя-то мне и надо! – воскликнул дед. – Смотри, что я для тебя припас.

Он положил на подоконник бумажный сверток и развернул его. Так и есть, она, печеночка, да кусок-то какой здоровый.

– Вот, Вань, угощайся, я знаю, ты печеночку любишь. – Дед улыбался, и лукавые морщинки в углах его глаз были очень дружелюбны. Да, дед коту нравился. И прозвище, которое тот ему дал – Ванька, тоже нравилось.

Кот поднялся, выгнув дугой спину, потянулся и, не торопясь, с достоинством, направился к разложенному угощению. Осторожно обнюхав печенку, он не сдержался («Молод еще», – подумал дед) и с довольным урчанием впился зубами в сочную мякоть.

Пока кот расправлялся с едой, придерживая ее лапой, дед, присев рядом на подоконник, не торопясь, рассуждал, казалось, сам с собой. Но кот, не отрываясь от еды, внимательно прислушивался к его словам.

– Да, котяра, я понимаю, как тебе здесь скучно. Это ж разве для тебя жизнь – душить голубей да крыс, да дразнить собак. Тебе нужны дела поважнее и пострашнее. Только какие же тут у нас могут быть страшные дела для Боевого Кота.

Кот насторожился: откуда-то старик знал, что он – Боевой Кот.

– Твои бы возможности, да в другом месте – тебя бы великие герои за пазухой таскали, как лучшего друга. Да ладно, всему свое время, какие твои годы? – опять улыбнулся старик.

Кот прикончил печенку и, усевшись на подобранный хвост, принялся умывать мордочку.

– Здоров же ты, Ванька, печенку трескать! – добродушно проворчал дед, аккуратно сворачивая грязную бумагу. – Ну ладно, пойду я. Жарко что-то. Полежать хочется.

Дед зашаркал вверх по лестнице. Кот, умывшись, покрутился в своем углу подоконника, опять улегся и прикрыл свои изумрудные глаза.

«Великие дела! Ха! Что ж, он готов. Только никаких дворов и подъездов! Никаких детей и старух! Чтобы трех маленьких собак и одну большую каждый день. Маленьких он будет драть сам, а большая будет подыхать от злости и разрыва сердца. А крыс давить, давить, давить!..»

Кот задремал.

И ему привиделся густой зеленый лес, пронизанный солнечным светом и теплом. Он, здоровенный Боевой Кот, благородной черной окраски с белой кисточкой на хвосте, бежал в мягкой свежей траве по обочине широкой проезжей дороги, петлявшей по лесу. А в зубах у него была зажата огромная бурая крыса с разодранной глоткой...

4. Путь (продолжение)

...Один мой хороший знакомый яростно придерживается принципа, по которому ожидает от жизни только всевозможных пакостей. «Все неожиданности я, таким образом, делаю приятными», – гордо заявляет он, обосновывая свой принцип. В результате он стал отпетым мизантропом.

Однажды в теплой, задушевной беседе за хорошим столом я светло позавидовал ему, заявив, что в его жизни бывают только приятные неожиданности. В ответ он, помрачнев, пробурчал: «Как ни готовься к худшему, все равно случается такая гадость, которой ты не ожидал...»

На ночлег мы расположились на опушке леса Золотой Погибели. Леди предупредила, что здесь кончаются ее владения, и она не знает, кончаются ли ее способности. «Поэтому, – сказала она, – лучше будет, если мы переночуем в моем лесу». И я с ней согласился.

Остановились мы недалеко от тропы, по которой путешествовали весь день, на небольшой поляне, с трех сторон окруженной уже привычными дубами, а четвертой стороной открытой в травянистую равнину, напоминающую истоптанное пастбище. Тропа-дорога, петляя в негустой траве, пропадала в близком перелеске. Поляну пересекал маленький ручеек, вытекавший из близкого ключа. Привязывать Ворона я не стал.

– Никуда он не денется, – заявила Леди.

Спустившись с седла и постояв минуту враскорячку, я отправился собирать хворост.

– Походи, походи, – пропел мне вслед насмешливый голосок, – а то засиделся, наездник.

Побродив по опушке леса минут двадцать, я понял, что никакого хвороста здесь нет. Лес, казалось, тщательно подмели. Мне ничего не оставалось, как только вернуться к месту нашей стоянки.

– Ой, бедный, и как же ты дотащил столько дров? Смотри, грыжа выпадет, вправлять некому. Вот страху-то всем будет – рыжий пришлец с огромной грыжей, – изгалялась Леди.

Я стоял, открыв рот, и смотрел на яркое пламя костра, полыхавшее на поляне. Трава под ним даже не пожелтела. Пламя начиналось прямо из воздуха и при этом потрескивало, как будто его подкармливали сухой березой. Над костром, на треножнике, висел котелок, наполненный водой. Леди примостилась рядом с огнем на небольшой кочке, поблескивая отраженным в рубиновых глазах огнем.

– Ну, Леди, – выдохнул я, – ты прямо как царевна-лягушка – вышла из лягушачьей кожи прекрасной девушкой, все приготовила и опять в кожу спряталась.

– Какое замечательное волшебство, – протянула Леди заинтересованно. – Заклинание скажешь?

Пришлось ей объяснять, что это не волшебство, то есть волшебство, конечно, только не в жизни, а в сказке про Ивана-дурака, то ли царевича, то ли крестьянского сына, который женился на лягушке, которая совсем не лягушка, а царевна, которую заколдовал Кашей-Горыныч, а кожу у нее дурак спалил в печке.

– У кого кожу дурак спалил, у царевны?

– У лягушки.

– Ну, лягушка-то – царевна.

– Лягушка – царевна, но у той своя кожа была.

– Так что, лягушка в двух кожах ходила?

– Нет, у лягушки своя, у царевны своя.

– Так лягушка сама по себе, а царевна сама по себе, каждая в своей коже.

– Да.

– Так, когда у лягушки кожу дурак спалил, как же она дальше жила?

Я, совершенно одурев от ее вопросов, уселся на траву и задумался.

– Во, расселся, как лягушка без кожи, – тут же раздался голос Леди. – Вода закипает. Давай готовь похлебку, у меня рук нет.

Я поднялся, подтащил к огню снятую с лошади сумку и раскрыл ее. Да, сумку собирал человек, хорошо знакомый с походной жизнью. Кроме уже знакомых мне копченого мяса и огурцов, в ней была еще одна кринка с молоком, только топленным, две небольшие краюхи хлеба, баночка с солью, пакет с чаем. Лежало еще что-то, но я дальше не полез, потому что наткнулся на средних размеров горшочек, в котором были, вы не поверите, замороженные пельмени. Почему они не подтаяли, я не понял, но, поскольку вода в котелке закипела, я, посолив, вывалил в нее все содержимое найденного горшочка.

– Ну и обжора! – сразу среагировала Леди. – Варит, как на четверых. Неужели все съешь?

– Ешь – потей, работай – мерзни, – бодро заявил я, помешивая пельмени деревянной ложкой, обнаруженной в кармашке сумки.

– А потом, я надеюсь, вы, Леди, также примете участие в вечерней трапезе?

– Нет, я не хочу есть. Ну разве что немного молока.

– От такой диеты ноги можно протянуть.

– Вот и видно, что ты совершенно не знаешь физиологии зачарованных змей. Во-первых, если ты присмотришься повнимательнее, то обнаружишь, что ног у меня нет, и протягивать мне нечего, разве что хвост. Во-вторых, мне по роду своей деятельности положено практически не спать и практически не есть, а все свое драгоценное время посвящать охране доверенных мне ценностей. Понятно?

– Понятно. Придется справляться с харчами в одиночку.

Я нарезал себе хлеба и огурцов и, вооружившись ложкой, принялся таскать из котелка пельмени.

Когда я насытился, окончательно стемнело. Я переложил остаток своего ужина в горшочек, причем Леди не преминула хмыкнуть:

– Некоторые предпочитают похолоднее? – Но на меня уже навалилась усталость пополам с приятной сытостью. Поэтому, не выясняя природу ее замечания, я с трудом, в силу привычки, вымыл котелок, отстегнул пояс с оружием, улегся возле огня, положив голову на кочку, и тут же заснул.

Проснулся я на рассвете. Солнце еще не встало, но было уже светло. Легкий туман окутывал все вокруг, наполняя окружающий воздух какой-то освежающей влагой. Было такое ощущение, что ночь кончилась едва начавшись. И хотя я чувствовал себя отдохнувшим, я совершенно не помнил ночи, как будто вечером меня выключили, а утром включили, и ночное время выпало из моей жизни. И еще я ощущал непонятную тревогу, хотя Поющий молчал, и, значит, схватки не предвиделось, а конь мирно дремал рядом, изредка похрапывая и встряхивая головой. Леди тоже помалкивала. Я приподнял голову и огляделся.

В мире царила тишина. Окружающий пейзаж не изменился. Рядом, свернувшись золотым клубочком, лежала Леди. Только по периметру нашей полянки стояла стена из серых каменных глыб высотой в полтора моих роста, стена без калитки и ворот.

Я, опершись левой рукой о землю, а правой подтягивая к себе перевязь, стал медленно подниматься на ноги. Леди молнией метнулась на мое плечо, застыла там, приподняв головку, и лихорадочно зашептала мне в ухо:

– Они появились с час тому назад. Не подошли, а именно появились. С тех пор они стоят неподвижно и молчат. Я думала плюнуть в одного, но решила дожидаться, пока ты проснешься.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Что сделал?

– Стену поставил!

– Я же тебе говорю, они появились с час назад...

– Кто они?

– Ты что не видишь, вот же они кругом стоят.

– Так это не стена? Я думал, это каменная стена.

– Нет, это облы – древнее каменное племя. Его создал тот самый маг-прорицатель, о котором я тебе рассказывала. В предании сказано, что их практически невозможно убить, но зато у них не бывает детей. И еще, их очень давно никто не видел. Поговаривали, что они навсегда ушли в горы на севере.

Пока Леди торопливо нашептывала мне все, что она знала об облах, я подошел к стене. Выглядели эти облы как самые обыкновенные гранитные глыбы, срезанные в верхней части на конус с закругленной вершиной, и стояли они, плотно прижавшись друг к другу, хотя щели между ними все-таки были.

Я быстро обошел поляну по кругу – выхода не было.

Вернувшись к костру, я присел на траву и задумался. Сам я, прихватив Леди, оружие и сумку, скорее всего смог бы перебраться через этих неведомых облов. Но мне очень не хотелось оставлять Ворона. Не мог я с ним расстаться. «Есаул, есаул, я не брошу коня», – пробормотал я про себя. Только вряд ли Ворон сумеет взять такое препятствие. И самое главное, с какой стати племя, ушедшее давным-давно в горы, вдруг почтило мою скромную особу таким навязчивым вниманием.

В этот момент над горизонтом показался край солнца, осветив верхушки деревьев и мазнув золотом по лысым макушкам облов. Тотчас зазвучал голос. Говорил обл с нашлепкой серого мха на плече, хотя как я это понял – не знаю.

– Твоя слюна, Золотая Шкурка, для нас безвредна. У нас нет гниющей плоти.

Леди разъяренно зашипела.

– Зла мы вам причинять не собираемся. Но...

Он замолчал и через мгновение продолжил громче, торжественным тоном:

Совпали время, место и судьба,
И смертный, что чужим владеет телом,
Пророчество услышать должен наше,
И наконец понять, кто он такой,
И здесь зачем,
И что он должен сделать...

– Ты готов выслушать и оплатить пророчество? – обратился обл ко мне.

– Куда ж мне деваться. Готов. Давай свое пророчество, только вот платить мне нечем.

Обл не ответил, а по поляне вдруг пронесся вздох ветра, и она наполнилась птичьим щебетанием. Затем птичий хор стал стихать, как бы отдаляясь, и сквозь него проступило звучание одной ноты, которую тянули все облы, кроме говорившего. Этот звук все усиливался и усиливался, пока птичий гомон совершенно не утонул в нем, и я вдруг почувствовал внутри необычайную пустоту и сосредоточенность. Все вокруг приобрело размытые очертания и уже не отвлекало от того главного, что мне предстояло услышать. Когда я понял, что наступил момент полной сосредоточенности, я услышал:

Сверкая серебром и золотом,
Воня гноем и дерьмом,
Он от рассвета до заката
Катился сам в себе самом...

Слова падали как тяжелые маслянистые капли и с шипением растекались по моему сознанию. Каждое слово, казалось, оставляло невидимую трещину в прочной ткани моего бытия, и в эту трещину врывался студеный ветер чуждого разума. И мне открывался этот Мир. Мир добрый и злой, прекрасный и чудовищный, волшебный и земной. Мои видения были полны пожаров и лязга стали, ласковых песен и чудесных стихов, воплей погибающих и стонов любви...

Качаясь на волнах порока,
Для самого себя злодей,
Он убивал своих пророков
И пожирал своих детей...

Я знал, что не запомню дословно услышанное, и это не казалось важным. Но с каждым произнесенным словом в меня вливалось понимание. Понимание того, зачем меня принесло в этот Мир и чего этот Мир ждет от меня. Чего этот Мир не может получить ни от кого, кроме меня. Понимание того, что получит этот Мир – прощение и гибель, или перерождение. Получит от меня! И мне становилось тоскливо и муторно от этого понимания, и это понимание обволакивало меня, все полнее растворяя в серой каше небытия, отдаляя от действительности. Наконец, когда сорванный почти до шепота голос произнес:

И катится давно без цели
Оторванное колесо,
Но жить ему лишь две недели!
И все!

Я потерял сознание.

Очнулся я от того, что на мое лицо тонкой струйкой полилась вода. Я открыл один глаз и увидел висящий надо мной в воздухе плохо вымытый котелок (не враг отдал, сам подмывал, удовлетворенно подумал я), из которого выливались мне на лоб последние капли воды. Я глубоко вздохнул, и тут же котелок сорвался и въехал мне по лбу, окончательно приведя меня в сознание.

– Ну вот, не удержала, – жалобно проговорила Леди. – Никогда мне не хватает сил удерживать металл.

Я сел, опираясь на руки.

– Я тебя не очень ушибла? – тут же заволновалась Леди. – Мне очень тяжело держать на весу железные вещи, а ты все лежал, лежал и вроде даже не дышал. Что с тобой было?

Я огляделся. Солнце поднималось над горизонтом. Лес просыпался. И вокруг поляны не было никакой стены.

– Они ушли или мне все приснилось? – хрипло спросил я.

– Они ушли, как только ты упал. Я думала, они тебя убили. Вы все так страшно молчали, а потом ты закрыл глаза, и у тебя потекли слезы. А потом ты упал, а облака просто растаяли в воздухе. А я ничего не поняла и очень испугалась.

– Они сказали свое пророчество.

На меня опять накатила тоска, так, что перехватило горло.

– Ой, а я ничего не слышала. Ты мне расскажешь?

– Потом... как-нибудь. – Я поднялся на ноги и потряс головой. – А сейчас нам надо двигаться дальше. Дела делаются по утрам, как ты сама сказала.

Я быстро умылся, перекусил слегка разогретыми остатками вчерашних пельменей и, быстро собрав свои пожитки, взобрался на Ворона. Леди, устроившись на моем плече, помалкивала и только иногда как-то тревожно поглядывала мне в глаза.

Мы выехали на уже знакомую тропу, и Ворон двинулся вперед своим неспешным размеренным шагом. День разгорался приветливый и ясный. Слабый ласковый и какой-то пахучий ветерок шевелил мои рыжие лохмы. А в моей голове все еще звучали страшные непонятные слова и подвывала гипнотическая нота.

Так мы пересекли пустошь и снова въехали в лес. И тут мне в голову пришла совершенно чудная мысль.

– Слушай, Леди, этот серый разговорчивый булыжник требовал вознаграждение за свое выступление. Ты не видела, я с ним рассчитался?

– Ну, наверное, они свою плату получили, раз не стали беспокоить твоё бездыханное тело, – в тон мне ответила Леди. – А может, они рассчитывают получить что-нибудь в будущем.

– Да? А скажи, пожалуйста, в вашем удивительном мире бродят какие-нибудь денежки?

– Денежки бродят самые разные. Есть совсем древние и при этом очень ценные, потому что они чисты с точки зрения магии. Есть монеты, которые выпускает монетный двор великого магистра, – хорошие деньги. Есть деньги, отчеканенные в больших областях и даже крупных городах. Вообще надо сказать, что наша денежная система достаточно запутанна. Каждый мало-мальски серьезный маг норовит начеканить своих денежек, да еще заклятие на них наложить. И вот держишь в руках желтык и не знаешь, из чего он сделан. Эти деньги иногда так пахнут!

– А у нас говорят: деньги не пахнут!

– Ну, видимо, у вас их чеканят из невоносящих материалов.

– Я завел разговор о деньгах по другой причине. Как я понял, мы направляемся в центральный город этой области под названием Холм.

– Да. И при этом сегодня вечером ночевать должны в городке Мох. Ты о нем уже слышал.

– От кого?

– От того верзилы, который про кота спрашивал.

– Да, верно. Так вот. На всю дорогу продуктов нам не хватит. Да и услугами гостиницы скорее всего придется воспользоваться. Чем платить будем, Леди?

Она хмыкнула, но ничего не ответила. Я тоже задумался. И тут Леди толкнула меня головой в щеку и прошептала:

– Посмотри, посмотри направо вниз!

Я бросил взгляд в указанном направлении, и рот у меня открылся сам собой.

Здоровенный кот, совершенно черной окраски с белой кисточкой на хвосте, бежал в мягкой свежей траве по обочине нашей тропы, незаметно превратившейся в довольно широкую дорогу. А в зубах у него была зажата огромная бурая крыса с почти оторванной головой.

– А вот и наш кот, – сказала Леди в рифму. – Теперь нас полный комплект. Когда Мир кончатъ будем? – В ее голосе звучала плохо скрываема́я истерика.

Кот между тем обогнал Ворона, скосив на нас прищуренный изумрудный глаз, и уверенным прыжком скрылся в придорожных кустах.

– Ну с чего ты решила, что это наш кот. И почему ты считаешь, что я кого-то там собираюсь кончать. Я всего лишь хочу вернуться домой, и все!

Вдруг я вспомнил, как обл закончил свое пророчество – «И все!», – и мне стало не по себе.

– Нет, я знаю. Это – тот самый кот. Вот посмотришь, он с нами увяжется. И ничего от тебя не зависит. Не ты разрушишь этот Мир. Он падет, когда в него придет рыжий пришлец со змеей на плече и котом за пазухой. А ты уже пришел, – продолжала свою истерику Леди.

– Ну, знаешь, не пристраивай мне этого котяру за пазуху. Его таскать – надорваться можно. Это ж не кот, а целая рысь. И чего это его таскать за пазухой, когда он бегаёт быстрее лошади.

– Раз напророчили, что кот будет у тебя за пазухой, значит, потащишь, – вдруг совершенно спокойным, твердым голосом заявила Леди. – И нечего отлынивать!

– Хорошо, что хоть не медведя напророчили, – усмехнулся я. – Но кот за пазухой то ли еще будет, то ли нет, а вот денежек нет ни за пазухой, ни в других местах, и где взять – неизвестно, – опять затянул я свое.

Леди положила головку мне на плечо.

– Вообще-то, – задумчиво протянула она, – лучше иметь не монеты, а камешки.

– Какие камешки, те, с которыми мы недавно беседовали?

– Хм... Быстро ты в себя пришел. Нет, не те. Я имела в виду рубины, изумруды, сапфиры. Алмазы можно. Их и подделать, и зачаровать нельзя. И ценятся они очень высоко.

– Так. Все ясно. Где тут у вас ближайшие копи. Поедем нароем себе на пропитание.

– Т-т-т... Понесло. Посмотри на себя, старатель. Кайло-то дома забыл. Варежкой своей копать будешь? Так там, где камешки добывают, варежку не снимешь – холодно. Нет. Путь один – у кого-нибудь отнять.

– Ну и замашки у вас, Леди. Что ж вы заставили мужичков дерево с дороги убирать, там бы и засели.

– А у тебя другие идеи есть? – запальчиво вскинулась Леди.

– Хорошо бы клад найти, – своровал я идею у Тома Сойера. – Да разве здесь что-нибудь дельное закопают?

– Ну и голова! Большая, рыжая и глупая. Зарытое я сразу учую. Только откопать-то ты не сможешь!

– Да клад-то я и варежкой откопаю.

– А я в тебя плюну! Заклятие сильнее меня. Должна, и хочешь – не хочешь, а плюну!

– Что ж, тебе меня совсем не жалко. Я ж для общего дела стараюсь. Как не кормленному пришлецу такого котяру за пазухой таскать?

– И стараешься ты для себя. И жалко мне тебя. Да не могу я позволить клад отрыть! Охранять я его должна!

– А если ты покажешь, где копать, а потом в сторонку отползешь, как будто ничего не видишь.

– Ну, тупая рыжая башка. Тебе ж говорят: охранять мне предписано, а не в сторонку отползать.

– Ну что ты ругаешься? А может, мне одеться поплотнее. Один раз плюнешь, не попадешь, ну и чего еще стараться?

– Попаду. От меня не укроешься.

– Да... Значит, эта идея отпадает... – разочарованно протянул я. – Надо было тогда хотя бы у Гришки из зубов желтяк выдернуть.

– Ага, так он тебе свой желтяк и отдал бы. Скорее он тебе пальцы зубками отхватил бы!

Дальше мы поехали, обсуждая эту, на мой взгляд, животрепещущую тему. Я предлагал разнообразные варианты безопасного проведения земляных работ по открытию драгоценно-

стей и мечтал, как мы на них заживем, а Леди угрюмо повторяла: «Все равно плюну». Вот такой у нас получался консенсус, прошу прощения за неприличное слово.

Солнце уже сильно припекало, было около полудня, когда мы проехали очередное засеянное поле и въехали в небольшую прохладную рощицу. Я остановил Ворона под высоким кленом, соскочил на землю и заявил, что всей компании необходим привал. Ворон сразу отправился назад в поле хрумкать созревающим овсом, Леди задумчиво отползла за куст бузины и устроилась на солнечном пятне, я улегся под тот же куст в тень с куском хлеба в руке.

Немного помолчав, Леди заявила:

– Вон, видишь, елка одна стоит. Наклонилась еще.

– Вижу. Так себе елка. Ободранная какая-то.

– Пять шагов от нее, в сторону орехового куста, горшок закопан. И совсем не глубоко.

Только откопать его нельзя.

Кусок хлеба застрял у меня в горле.

Нет, я никогда не был жадным, алчным скопидомом. И на драгоценности британской короны мне в принципе было наплевать. Но меня действительно весьма беспокоила проблема расчетов с местным населением. Не мог же я при своей внешности и обмундировании ночевать в городе на улице, грабить на большой дороге или воровать харчи? Ну не мог! И воспитание не позволяло. А Леди не могла не плюнуть!

И тут, из-за уже упомянутого орехового куста, появилась сначала черная морда, а следом за ней и весь наш утренний знакомец. Общие габариты и белая кисточка на хвосте ясно указывали на то, что перед нами был именно он. Крысы в его зубах уже не было, зато к морде и за ушами прилипло несколько ярких птичьих перьев, не оставлявших сомнений в том, что кот уже пообедал. Выйдя из-за куста, кот уселся на хвост и стал тщательно умываться. Закончив эту процедуру, усатый хищник, презрительно прищутив глаза, посмотрел в нашу сторону и направился к одинокой елке. Леди слегка заволновалась. Кот, немного не доходя до места, указанного леди, вдруг припал к земле, прижал к голове уши и по-пластунски двинулся дальше, всячески показывая, что он кого-то впереди учуял. Через полметра он замер, а затем завилал задом, как бы нащупывая опору для ног, и, наконец, прыгнул. Да, это был прыжок настоящего хищника. Не побоюсь показаться тривиальным, но это действительно было похоже на черную молнию. Казалось, никто и ничто не может спастись от такого броска, однако тот, на кого охотился кот, успел, похоже, спрятаться. Кот очумело повертелся на месте и принялся передними лапами рыть землю.

Вы когда-нибудь видели изумленную змею? На мой непросвещенный взгляд, змея может быть либо безразлично-спокойной, либо разъяренной. Но тут!.. Леди стояла почти на хвосте и изумленно раскачивала своей точеной головкой. При этом было ясно, что нападать она не собирается. Однако на всякий случай я поинтересовался:

– Ты же не собираешься обидеть неразумное животное, которое откапывает себе мышку на обед?

– Никакую ни мышку он откапывает, – заявила леди, не оборачиваясь ко мне. – Эта черная шкура прекрасно знает, что он откапывает. Но наложенное на меня заклинание действительно не обязывает меня уничтожать зверье. Им-то клады, по разумению моего создателя, совершенно не нужны.

Кот между тем продолжал упорно погружаться в землю.

Я встал и подошел поближе. Леди последовала за мной. Кот выкапывал аккуратную ямку, сантиметров тридцать в диаметре. Рыл он профессионально – не торопясь, но очень быстро, и углубился уже сантиметров на двадцать. Еще немного рыхлой земли вылетело из-под кошачьих лап, и на свет показался кусок нетуго натянутой не то тряпки, не то кожи. Несколько взмахов лапы – и мы увидели, что это кусок старой коричневой кожи, натянутой

на что-то круглое. И тут кот сел и стал вылизывать языком лапы, очищая их от налипшей земли.

Я двинулся вперед и тут же услышал:

– Стой! Я за себя не отвечаю!

Спорить не приходилось, я тут же остановился.

Кот почистил лапы и, наклонив голову, с интересом поглядел на нас. Он, казалось, ждал слов одобрения и похвалы. В воздухе повисла напряженная тишина.

Я не выдержал первым:

– Ну, котик, давай! Покажи, что ты там поймал!

Кот разочарованно вздохнул и почесал задней лапой за ухом.

– Ты что, и с кошками не умеешь общаться, – раздался насмешливый голос моей спутницы. Это меня обидело. Кошка – самое мое любимое животное. И я всегда умел найти подход к любой кошке, хотя у каждого экземпляра «кошки домашней» свой особый, порой весьма сложный характер.

– Кис, кис, кис... – позвал я.

Кот раздраженно тряхнул ухом.

– Барсик, Барсик...

Кот встал, потоптался на месте и уселся к нам спиной.

– Васька, Васька...

Кот не реагировал.

– Его зовут Ванька, – заявила вдруг Леди безапелляционным тоном.

– Откуда ты знаешь, – удивился я.

– Вообще-то это Боевой Кот. Очень редкая порода, созданная для ведения военных действий в тылу противника. Именно этот кот очень подходит к имени Ванька, только ни в коем случае не Ванечка, а то начнешь сюсюкать, – насмешливо добавила Леди.

Я подошел еще ближе и фамильярным тоном заявил:

– Ну ладно, Ванька, показывай, что ты там нарыл.

Кот поднялся с места, повернулся к нам мордой и внимательно уставился на меня. Через несколько секунд, видимо, удовлетворившись осмотром, он стал внимательно рассматривать свою находку. Затем поднял свою здоровенную лапу и коротким точным ударом распорол и сорвал отрытую кожу. Под ней, переливаясь всеми цветами радуги, лежали разноцветные камешки.

– Ну вот, я же говорила, что он знает, что откапывает, – пробормотала Леди.

Я молчал, не зная, что предпринять. Кот ходил вокруг ямы, подрагивая пушистым хвостом и поглядывая то на камни, то на нас. На его морде ясно читался вопрос: «Где ваш восторг и похвалы? Ну хвалите меня, хвалите».

Наконец, присев и не отрывая глаз от самоцветов, я обратился к Леди:

– Что будем делать, Золотая Погибель? Можно ли, по твоим чародейским правилам, несчастному, всеми преследуемому, бездомному пришлецу поднять с земли несколько ничьих, никому не нужных камешков, которые отрыл голодный бездомный котик, надеясь на нашу помощь?

– Во напелл!.. – изумленно пробормотала Леди. – Прямо сердце разрывается. Ты, случаем, у себя там, дома, сказки не сочинял? Про несчастных детишек, которые заблудились в страшном-престрашном лесу.

– Если проще говоря, Леди, то, перефразируя классика, скажем: брать или не брать – вот в чем вопрос!

– Я думаю, брать, однозначно! По поводу ценностей, открыто лежащих на дороге, я никаких инструкций не имею.

В это время кот, не понимающий наших сомнений, запустил свою лапу в чужое добро, вытянул один крупный рубин (или гранат), как бы играя, подкатил его к моим ногам и вопросительно на меня уставился. Тут я отбросил сомнения и, зажмурив глаза, схватил камень рукой в перчатке. И ничего не произошло. Я почувствовал в своей руке прохладу и гладкость полированного камня, а по предплечью привычно потекла к моему плечу Леди. Свесив голову, она также разглядывала камень в моей руке. Ванька удовлетворенно улегся рядом с моей ногой.

Тут меня прорвало.

– Кормилец! – заорал я. – Вся сметана в округе – твоя!

В порыве безудержного восторга я схватил кота за черный толстый загривок и потряс его. Ванька изумленно вырвался, как бы не понимая, чем вызвана подобная фамильярность, и отмахнулся лапой. Но, поскольку когти он не выпустил, замах у него получился довольно добродушный.

Я вытащил найденные камни из плошки, в которой они были зарыты, и разложил их на поле плаща. Их было немного – сорок две штуки. Правда, Леди заявила, что мне этого на четыре роскошные жизни хватит. Камни были только пяти видов: рубины, изумруды, сапфиры, несколько крупных сиреневых топазов и четыре алмаза. Большинство камней были отполированы, но не огранены, некоторые из камней были в поломанной оправе и только четыре изумруда были огранены странным, невиданным мною способом. Это были высокие пирамидки со слегка срезанной вершинкой, оправленные в старое, тускло сверкавшее серебро. Перстень, серьги и брошь. Но, к моему несказанному огорчению, оправка серег и особенно броши была смята и поломана. Только перстень сиял своей чудной непередаваемой красотой. Леди немедленно заявила, что эти камни порченые, и их никто не купит. Но моего восторга это заявление не уменьшило. Огорчало, что перстень был явно маловат для моих лап, но в порыве отчаянного хотения я все-таки решил примерить его на безымянный палец затянутой в перчатку руки. К моему изумлению, едва я поднес перстень к пальцу, его обруч увеличился, он легко скользнул на последнюю фалангу и крепко ее охватил, словно занял свое привычное место. Я полюбовался игрой крупного зеленого камня, а затем поднялся на ноги.

– Так, друзья, – почти пропел я, незаметно для себя включая в нашу компанию кота, – мы должны до темноты попасть в Мох. Поэтому предлагаю немедленно двигаться.

– Посмотрите-ка, – немедленно отозвалась Леди, – этот обжора на радостях даже обещать не желает. Исхудаешь, батюшка... – протянула она жалобно.

– Что нам ваш сухой паек, – ответил я заносчиво. – Вот мы посмотрим, чем местные рестораторы благородных путешественников угощают.

– Как же ты быстро из бедного, несчастного, всеми преследуемого пришлеца в благородного путешественника превратился.

Но я не стал вступать с Леди в пререкания, а, собрав камни и рассовав их по карманам, отправился за Вороном.

Возвратившись, я упаковал свой дорожный мешок и взобрался на лошадь. Кот сидел в траве и не делал попыток присоединиться к нам. Тогда я наклонился к нему и довольно напыщенно произнес:

– Уважаемый Боевой Кот, прошу тебя присоединиться к нам и стать нашим другом и попутчиком, делить с нами удачи и невзгоды, радости и потери. – Потом, помолчав, добавил: – Поехали, Ванька!

Кот, подняв голову, посмотрел мне в глаза и одним прыжком оказался у меня на колене, затем нырнул под плащ и устроился на моем бедре, уцепившись когтями за штанину и мою кожу. Он прикрыл глаза, и стало ясно, что он готов к путешествию. Так мы и тронулись: я на Вороне, Леди на моем плече и Ванька под плащом на бедре.

Скоро лес кончился, и дорога вывела нас в засеянное поле. Мне подумалось: «Трое вышли из леса. Чтобы разрушить этот прекрасный Мир?»»

5. Мох. Ночь

...А нужно ли верить людям? Нужно! Только при этом необходимо точно представлять, чего они от Вас хотят и чего они от Вас ожидают. Если Вы совершенно точно знаете эти две вещи, то людям можно верить безоговорочно.

Все равно им вряд ли удастся Вас обмануть...

Всю вторую половину дня меня удивляло, что мы никого не встречали на полях и больших огородах, лежавших по обеим сторонам дороги. Леди на мой вопрос удивленно ответила:

– А что людям здесь сейчас делать? Я же тебе объясняла, что наши земледельцы, как и подавляющее большинство жителей нашего Мира, – полные люди. Значит, они прекрасно владеют прикладной магией своего ремесла. Для них не проблема обеспечить оптимальную для посевов погоду, дожди, там, солнце, или уничтожить вредителей и сорняки. Этому они учатся с детства. Так что сейчас они трудятся у себя дома – анализ окружающей среды, расчет и составление необходимых заклинаний, запуск их в действие – это настоящее искусство. И от того, насколько хозяин владеет этим искусством, во многом зависит и величина урожая, и качество продуктов. Иногда ученик такое сочинит! У моих соседей один такой ученичок раз заклинание состряпал, так у них арбузы на три недели раньше других поспели, да какие здоровые и красные были. Ну они на радостях хорошо поели, а потом чуть не перемерли – животами неделю маялись.

– Типичное отравление нитратами, – пробормотал я, но Леди на мои научные слова не обратила внимания.

– Так что сейчас здесь никого и не должно быть. Вот когда придет время убирать урожай, тогда их место будет в поле.

Буквально в то же мгновение мне представилась возможность поймать Леди на незнании местных обычаев, что я не замедлил сделать.

– Позвольте, дорогая, вот же сидит почтенный земледelec, контролируя процесс вызревания ячменя!

Невдалеке от дороги, посреди высоких зеленых всходов, которые я не раздумывая окрестил ячменем, сидел, привалившись к здоровенному, воткнутому колу, мужик. Одежда на нем была необычайно красочная и состояла из оранжевых широких штанов, напоминающих украинские шаровары, и ярко-голубой рубахи, подпоясанной темно-синим кушаком. Голову селянина украшала желтая, похожая на соломенную, широкополая шляпа, а на ногах, хотите верьте, хотите нет, желтели новые лыковые лапти.

Он сидел, опустив голову и задумавшись, и, видимо, не слышал, как мы подъезжали.

Я, честно говоря, обрадовался встрече, надеясь в разговоре с одиноким человеком прояснить для себя хоть какие-то обычаи или нормы поведения, существующие в этой местности, чтобы не выглядеть в городе совсем уж чужаком. Поэтому я в нетерпении подтолкнул шпорами Ворона и повернул его в сторону аборигена.

Но не успел я въехать в посевы, как у меня на плече раздалось тихое хихиканье, а поселанин вскочил на ноги и принялся энергично выдергивать из земли свой здоровенный кол. Через секунду он, уставив в нашу сторону вымазанное землей острие, двинулся вперед, покачиваясь и загребая землю странно согнутыми ногами. Голову он по-прежнему не поднимал.

– Почтеннейший, – заорал я на все поле, показывая свое миролюбие, – не надо тыкать в нас вашим грязным колом. Я всего лишь хочу задать вам несколько общих вопросов.

– Уйди из овса... – прогундел в ответ агрессивный земледелец.

Леди хихикала уже всюду, да и Ванька высунул голову из-под плаща, интересуясь развитием событий.

Я понял, что моя честь попрана хамством и немотивированной грубостью, и ответил, собрав весь свой сарказм:

– Почтеннейший, вам надо научиться уважительнее разговаривать со знатными путешественниками. В противном случае вы рискуете напороться на неприятности!

Сквозь хохот у моего правого уха я расслышал новую гундосую фразу:

– Уйди из овса, а то как дам палкой в брюхо...

При этом абориген уже набрал приличную скорость, и я понял, что он действительно целит мне в живот. Не то чтобы я уж очень испугался, но, сочтя драку с практически безоружным крестьянином не слишком великим подвигом, я быстро развернул Ворона и вернулся на дорогу.

Едва я покинул посеvy, как этот отчаянный колonoсец повернул в сторону и по большой дуге, постепенно снижая скорость, вернулся на прежнее место. Здесь он снова воткнул свое оружие в землю, но не стал усаживаться под ним, а вскарабкался на вершину и, развернувшись, наделся кушаком на кол. Потом подергался всем телом, устраиваясь поудобнее, поднял голову и приложил ладонь ко лбу наподобие козырька. И тут кол начал медленно вращаться, подставляя различные участки поля для обозрения своему седоку.

Только тут я наконец понял, что это не что иное, как обыкновенное пугало. Господи, каким же идиотом я выглядел, ведя интеллигентную беседу с набитой неизвестно чем куклой.

– Я же... тебе... говорила... – радостно давясь смехом, начала Леди, – что жители... не бродят сейчас по полям... Все поля накрыты заклинаниями, а этот... этот поставлен, чтобы выгонять из посевов животных и людей... Правда, люди в посеvy не забираются... Но это очень хорошее пугало... должно быть, новое. Вон, даже говорить умеет.

– А может, можно с ним поговорить, чем тут народ живет? – с надеждой поинтересовался я.

– Нет... – уже спокойнее ответила Леди. – Это ж пугало, у него одна функция – выгонять из посевов. О чем ты будешь с ним говорить, жердь тебе в брюхо... – Леди снова развеселилась.

Ванька снова спрятался под плащ, и мы двинулись дальше под хихиканье Леди, ужасно довольной разыгравшейся сценой.

Уже в сумерках мы подъехали к городку со странным названием Мох. Сначала по сторонам дороги стали встречаться небольшие аккуратные дома, обнесенные крепкой, но невысокой оградой, иногда каменной. Дворы были чисто выметены, а частенько и замощены каменными плитами. Люди во дворах занимались обычными повседневными делами и совершенно не обращали на нас внимания. Потом дома приблизились к дороге, и она незаметно превратилась в улицу. Улица закончилась широкой мощеной площадью с фонтаном посередине. На площади было довольно много народа, видимо, люди вышли вечером прогуляться, но на нас по-прежнему никто не обращал особенного внимания. Правда, несколько девушек, стайкой сидевших на гранитном обрамлении фонтана, бросали в мою сторону заинтересованные взгляды, шушукались и хихикали.

Объехав площадь, я увидел высокое, в три этажа, каменное здание с большой вывеской по фасаду, на которой с изумлением прочитал надпись на чистом русском языке, правда, написанной почему-то в старом правописании, – «ТрактирЪ» и рядом «Постоялый дворъ». Между этими словами была нарисована лохматая и усатая рожа с огромным красным носом,

шрамом через всю левую щеку и серьгой в левом ухе, весьма напоминая изображение Бармалея в моей любимой детской книге. Под словом «ТрактирЪ» красовалась жирная синяя стрелка, указывающая налево, а под надписью «Постоялый дворъ» не менее жирная красная стрелка, отправлявшая читателя направо. При этом вход в столь замечательное здание располагался прямо под вывеской, и других дверей, по крайней мере на фасаде, не наблюдалось.

Я вытащил из-под плаща дремавшего кота и посадил его перед собой на седло. Затем сполз на землю и, привязав поводья к врытому рядом с входом каменному столбику, попросил:

– Вань, пригляди за лошадей, я сейчас вернусь.

Клянись, кот кивнул мне в ответ.

Я толкнул тяжелую дверь и вошел в большой зал.

По всему залу, расположенному на три ступени ниже входа, были расставлены массивные столы, окруженные не менее массивными табуретами. У боковых стен с помощью высоких перегородок, не доходивших, правда, до потолка, были устроены отдельные кабинеты. Некоторые из них имели двери, а другие закрывались тяжелыми портьерами. Под самым потолком на перекрещивающихся толстых деревянных балках висела люстра, сделанная, похоже, из огромного колеса, по его ободу горело несколько десятков свечей. Ступица колеса была украшена старым пожелтевшим от времени черепом, который тарасил пустые глазницы на толпящихся внизу людей. На противоположной от входа стороне зала располагалась высокая стойка, а за ней огромная витрина, сверкавшая разноцветным винным стеклом. За стойкой стоял, судя по внешнему виду и осанке, хозяин заведения, его рожа, несомненно, послужила образцом для написания образины, украшавшей вывеску. Правда, оригинал был осчастливлен обширной лысиной, так что художник, видимо, хотел польстить своему заказчику. По бокам от хозяина суетились два молодых паренька в заляпанных белых фартуках, обслуживая посетителей, обступивших стойку и сидящих за столами.

Зал был полон. Гул голосов почти перекрывал звуки музыки, которые исходили от странного аппарата, стоявшего слева от стойки. На этом аппарате лежала гитара, еще одна гитара стояла, прислоненная к паре барабанов, установленных на подставках, вместе со сдвоенными медными тарелками. Похоже, здесь имелась и живая рок-группа. На небольшом пятачке перед этим музыкальным центром топталось несколько пар.

– Ну что, – раздался у меня над ухом шепоток Леди, – так и будем толпиться у входа. Держись понахальнее.

Я начал проталкиваться к стойке. Бармалей, без сомнения, еще издалека заметил меня и, выскочив из-за своей стойки, торжественно двинулся мне навстречу. Встретив меня в середине зала, он с достоинством поклонился и глубоким басом пророкотал:

– Господин, я рад, что вы удостоили мое заведение своим посещением. Чем я могу служить вам?

– Мне, любезный, – начал я барственным тоном, – необходима приличная комната дня на два-три и ужин. У дверей стоит моя лошадь, о ней надо позаботиться.

Бандитская рожа хозяина сморщилась, и он оглушительно чихнул, прикрывшись ладонью. Тут же рядом с ним появилась молодая белокурая девушка, почти девочка, в простом голубом платье и белом кружевном фартуке с большими карманами. Присев передо мной в легком поклоне, она вопросительно поглядела на моего собеседника.

– Покажи господину первые президентские апартаменты. Скажи Люку, чтобы отвел лошадь господина на конюшню и позаботился о ней. Вещи пусть отнесет господину в комнату, – пробасил тот. Затем, обращая ко мне, он спросил: – Ужинать господин будет в комнате или в общем зале?

– Ужинать буду в общем зале, а в комнату принесите немного молока на блюде и большую миску свежей сметаны.

Хозяин, ничуть не удивившись, кивнул девчужке:

– Выполний.

И опять с достоинством поклонился.

– Прошу вас, господин, за мной... – пропел тоненький нежный голосок, и девушка повернулась ко мне лицом.

Вы наверняка не раз слышали довольно избитое поэтами и фатами выражение: «Я утонул в ее глазах». Так вот, в этот момент я понял, что оно подразумевает. Я смотрел в эти огромные, чудные темно-синие глаза и ощущал, как погружаюсь в них все глубже и глубже. Гул голосов, наполнявших зал, постепенно отдаляясь, затихал, свет начал меркнуть, принимающая голубовато-зеленоватый оттенок, мои уши заложило, словно я нырнул глубоко под воду или взлетел высоко в воздух. У меня начала медленно кружиться голова.

Когда я почувствовал жжение в груди и понял, что забыл выдохнуть остатки давно использованного воздуха и вдохнуть порцию свежего, в моей голове раздался знакомый ехидный голосок:

– Закрой рот и перестань есть девчужку глазами. Как не стыдно, так бесстыдно разглядывать невинное дитя. Не забудь, что ты выглядишь как опытный тридцатилетний сердцеед!..

И тут я наконец вынырнул. Со всхлипом я втянул в себя воздух и захлопнул рот. И покраснел.

Девушка вздрогнула, моргнула, тоже слегка порозовела, быстро опустила глаза, повернулась и двинулась через зал к двери справа от стойки. Я направился за ней.

Поднимаясь по скрипучей лестнице на второй этаж, я попыхтел, набрался смелости и спросил девчужку:

– Как тебя зовут, малышка?

– Мама назвала меня Лаэрта, но почти все мои знакомые называют меня Элли.

– И ей это имя не нравится, – тут же раздался шепоток Леди. – Если хочешь ей понравиться, называй ее Лаэрта, хотя это имя тоже не совсем ей подходит.

Тут я пожалел, что Леди не может читать мои мысли, потому что мне пришлось тихо проворчать:

– Какое же имя для нее подходит?

Девчужка оглянулась и спросила:

– Господин что-то сказал?

– Нет-нет, ничего, – смущенно пробормотал я. – И что ты все господин да господин? Меня зовут Илья и даже еще без отчества.

– А что такое – отчество? – поддержала разговор Лаэрта.

– Ну, это в тех местах, откуда я родом, в знак уважения к имени человека прибавляют еще и имя его отца, – подробно объяснил я.

– Как странно... – приостановившись, произнесла она.

– Что странно?... – живо поинтересовался я.

– Что прибавляют имя отца. Ведь мать для человека гораздо важнее. Если уж и прибавлять что-то к его имени из уважения, то скорее это должно быть имя матери. – Она улыбнулась и двинулась дальше.

– Что ж, в этом безусловно есть здоровое зерно, – подумалось мне.

Леди между тем продолжала нашептывать мне на ухо:

– Сейчас ее надо бы было называть Фея. Просто Фея без личного имени. Она в общем-то еще до личного имени недоросла. Вот годочка через два имя ее выберет. И это будет не простое имя. Эта девчужка еще себя покажет. Впрочем, сейчас сам все увидишь.

На площадке второго этажа в продавленном кресле с потертыми подлокотниками расположился лохматый парнишка в мешковатых бурых, заляпанных пятнами, штанах и такой

же замызганной курточке, надетой на голое тело. Увидав поднимающуюся по лестнице Лаэрту, он вскочил и, открыв рот, уставился на нее. Та, вздернув подбородок, от чего ее курносый маленький носик совершенно задрался вверх, произнесла тоном герцогини, вынужденной обращаться к старшему помощнику младшего лакея:

– Люк, перед входом стоит лошадь господина. Немедленно отведи ее на конюшню и проследи, чтобы о ней надлежащим образом позаботились. Багаж господина принесешь в первые президентские апартаменты. И если я еще раз увижу тебя в кресле, я с тобой буду говорить по-другому, – закончила она, проходя мимо парня. Тот, выудив откуда-то замызганную кепчонку и натянув ее на лохматую голову, молча скатился вниз по лестнице.

– Люк, между прочим, – опять зашептала Леди, – полный человек и старший брат самой Лаэрты.

Пройдя до конца коридора, Лаэрта открыла здоровенным медным ключом дверь и ввела меня в «первые президентские апартаменты». Ими оказалась одна большая комната, посередине которой стояла огромных размеров кровать под балдахин из желтого атласа. В углу на столике стоял глиняный таз, аляповато расписанный желтыми цветами, и кувшин такой же веселой расцветки. Рядом на крюке, вбитом в стену, висело расшитое полотенце. Похоже, это было место для умывания. Я медленно обошел комнату. Она имела два окна и, поскольку она была угловой, одно из них выходило на уже знакомую мне площадь, а второе – в какой-то темный закоулок, перегороженный к тому же невысокой изгородью. Около этого окна стояло новое кожаное кресло, а в углу за дверью размещался двустворчатый шкаф.

Лаэрта внимательно наблюдала, как я осматривался, а потом пропела своим голоском, указав на незаметную дверь возле шкафа:

– Здесь уборная, господин, – и слегка покраснела.

– Хорошо, эта комната мне подходит. Если тебе несложно, прикажи, чтобы сюда принесли молоко и сметану. Я пока умоюсь.

Лаэрта присела в полупоклоне и молча вышла за дверь. А я, словно сомнамбула, двинулся за ней.

– Куда?.. – остановила меня Леди. – Сказал, что будешь умываться – умывайся. И за Ванькой надо сходить.

Я быстро подошел к креслу, и Леди по моей протянутой руке скользнула на кожаную спинку.

– Леди, вы, как всегда, правы. Остаются за главную, дорогая, командуйте, – улыбнулся я и кинулся к дверям.

– Покомандуем... – донеслось мне вслед.

Но Лаэрты за дверью уже не было, и мне сразу стало тоскливо.

Спустившись по лестнице и пройдя через зал, я вышел на площадь и увидел незабываемое зрелище. Люк, пригнувшись и прикрыв голову рукой, пытался дотянуться до уздечки, привязанной к столбику. Ванька стоял на седле, выгнув спину и подняв хвост трубой. Глаза у огромного черного кота полыхали зеленым пламенем, когти сверкали, как маленькие ятаганы, шерсть стояла дыбом, и при этом он шипел, как двадцать пять разъяренных кобр. Вокруг, на безопасном расстоянии, собралось человек двадцать зевак, обсуждая шансы Люка против Ваньки. Как я понял, ставки принимались один к двадцати восьми против Люка.

Я сошел со ступенек и рявкнул:

– В чем дело?

– Господин, – затынул неожиданно басом Люк, отскочив от лошади, – этот дьявол не подпускает меня к вашей лошади, а Элли меня с кашей съест, если я не вернусь через пять минут, выполнив ее поручение.

Я подошел к Ворону и протянул руки. Ванька, увидев меня, сразу успокоился и прыгнул ко мне на руки, едва меня не повалив. Пристроив кота под плащом на сгибе левой руки, я

кивнул Люку: «Действуй» – и направился в гостиницу. Когда я проходил через зал, я обратил внимание на то, что очень многие с повышенным интересом разглядывают высывающуюся из-под плаща усатую черную морду.

Поднявшись по лестнице и подойдя к своей двери, я увидел возле нее страшно испуганную Лаэрту. Увидев меня с котом под мышкой, она, казалось, испугалась еще больше.

– Здесь-то что случилось? – спросил я у испуганной девушки, не менее испуганно.

– Господин, наверное, очень сильный маг? – запинаясь, проговорила она. – Я принесла молоко и сметану и хотела убрать вашу красивую перевязь в шкаф, она валялась на кресле. И вдруг эта желтая лента так страшно на меня зашипела, – на глазах у нее выступили слезы.

– Ну-ну, не надо бояться, – улыбнулся я и открыл дверь. Леди по-прежнему лежала на спинке кресла и, казалось, дремала.

Я шагнул в комнату и опустил Ваньку на пол. Лаэрта с любопытством разглядывала комнату у меня из-под руки. Кот тряхнул ухом и медленно отправился оглядывать наше жилище. На столике рядом с тазом стояла большая миска с густой сметаной и блюдце, до краев наполненное молоком.

Повернувшись к девушке, я непроизвольно поднял руку и погладил ее по светлой головке.

– Все в порядке, Фея. Спасибо тебе за молоко и сметану.

Она вспыхнула и, отступив на шаг, уставилась своими лазоревыми глазами мне в лицо.

– Почему ты так меня назвал?

Я смутился.

– Ну, ты просто очень похожа на фею, как я себе ее представляю.

– Так ты фей не видел?

– Да нет. Пока не приходилось.

Она, опустив глаза, пробормотала:

– Если тебе что-нибудь понадобится, позвони, – повернулась и, не поднимая глаз, направилась к лестнице.

Я закрыл дверь и тут же услышал:

– Как не стыдно дразнить детей? – Леди подняла свою головку.

– Как не стыдно пугать детей? – ответил я. – Вот стала бы Лаэрта зайкой, что бы я делал?

– Я думаю, что ты тогда бы тоже стал заикаться, – не упустила момент Леди. И тут же строго добавила: – А что бы, интересно, ты стал делать на моем месте? Заходит, миски на стол и ко мне. «Ах красота... ах красота». Красота – так стой и любуйся. А она хватъ меня и на себя примерять. Что же, мне ждять, когда она меня у себя на поясе узлом завяжет? – Леди возмущенно помолчала и довольно добавила: – Зато, когда я зашипела, она через секунду была за дверью.

Я, улыбаясь, переложил блюдечко с молоком на сиденье кресла, а миску со сметаной поставил на пол рядом с кроватью. Ванька, разглядывавший до этого с подоконника улицу, быстро спрыгнул на пол и помчался к миске. Обнюхав содержимое, он с довольным урчанием заработал языком. Леди тоже спустилась со спинки кресла отведать своего молока.

Стянув надоевшую кольчугу и рубашку и отстегнув пояс с оружием, я отправился к столику умываться. В кувшине, как я и ожидал, была вода. Налив воды в таз, я с удовольствием ополоснулся до пояса и, вытершись цветастым полотенцем, почувствовал, что полностью готов к ужину, несмотря на двухнедельную щетину и отсутствие расчески. Приоткрыв дверцу, я заглянул в туалет. Посередине маленькой, полтора на полтора метра, комнаты стоял огромный, совершенно необъятный фаянсовый ночной горшок, напоминающий приличный бочонок. Я осторожно заглянул внутрь. Горшок сиял чистотой, но никаких следов водопровода и канализации не было и в помине. Я недоуменно почесал в затылке. Это

сколько же надо съесть, чтобы наполнить такой горшок. И кто же выносит его содержимое, надеюсь, не Лаэрта.

Я покинул загадочную уборную и, натянув рубашку, сказал:

– Так, ребята. Я, пожалуй, тоже пойду перекусить. К вам теперь вряд ли кто заглянет, но все-таки ведите себя поспокойнее. Я постараюсь долго не задерживаться.

Повернувшись к двери, я услышал голос Леди: «Оружие возьми», – и решил, что совет дельный. Сняв ножны с Поющим, я нацепил пояс на себя и проверил, легко ли выходит Молчащий из ножен.

Еще раз бросив взгляд на своих друзей, я вышел.

В зале ресторана стало гораздо просторнее. Как только я вошел, один из помощников хозяина подбежал ко мне и провел меня в один из кабинетов со шторой. Он был пуст. Вокруг стола, в отличие от общего зала, стояли не табуреты, а стулья с высокими спинками. Я уселся за стол и, поймав вопросительный взгляд своего сопровождающего, спросил:

– Чем сегодня угощают?

Парень молча подал мне листок с перечнем блюд. Быстро просмотрев его, я понял, что попал в заведение с русской кухней. Заказав тарелку щей, мясо по-крестьянски в горшочке с кашей, салат и нарзан (да-да, нарзан!), я откинулся на стуле и в ожидании еды стал рассматривать находившихся в зале людей.

Честно говоря, я надеялся, хотя бы издалека, увидеть Лаэрту. Она настолько поразила меня, что, не видя ее, я чувствовал себя брошенным. На меня опять навалилась тоска по дому, тоска по собственной независимости. Мне опять стало тошно от того, что меня подхватила череда непонятных, невозможных событий и несет, тащит меня к неизвестному и скорее всего неприятному концу. Хотелось не то рыдать, не то рычать. И Лаэрты не было, видимо, она хозяйничала где-то в недрах гостиницы.

Наконец мне подали еду. Я засунул салфетку за ворот рубашки и принялся за щи. Знаете, если не смотреть по сторонам, то в этот момент вполне можно было ощутить себя в Москве, в каком-нибудь новом маленьком ресторанчике с исконно русской кухней. Даже хлеб был настоящим черным московским. Я быстро управился со щами и приступил к мясу, когда тяжелая входная дверь распахнулась, как от удара кованым сапогом, и в дверном проеме появилась весьма колоритная фигура.

Высокий старик, лобастую голову которого окружало облако белоснежных волос. При этом волосы на непокрытой голове были взлохмачены, как солнечная корона, а усы и борода почти до пояса были аккуратно подстрижены и расчесаны. Одет он был в длинную синего цвета рубаху, подпоясанную витым желтым шнурком, желтые же широкие штаны и мягкие коричневые башмаки с затейливой пряжкой на боку. В руках старик держал огромную суковатую дубину, изображая из нее посох.

Осмотрев зал с высоты порога, он шагнул по ступеням и уверенным, размашистым шагом прошел к стойке. При этом он с такой силой колотил своей дубиной по полу, что стоявшие рядом дубовые стулья подпрыгивали в несурзном танце. Его изборожденное глубокими морщинами лицо, с ярко-синими огоньками глаз, казалось, источало добродушие, при этом он басил на весь зал:

– Привет, старая винная бочка! Все травишь несчастных гостей своим выдержанным укусом? Смотри, доведет тебя твоя экономия до пришлеца.

Хозяин дружески улыбнулся новому посетителю и вытащил из-под стойки емкий хрустальный графин с какой-то сиреневой жидкостью. Поставив его перед вошедшим, он рядом водрузил не менее солидный хрустальный бокал, предварительно протерев его висевшим на плече полотенцем. Тот, не обращая внимания на графин, хлопнул хозяина по плечу ладонью, прислонил свой чудовищный посох к стойке, развернулся в сторону зала и, облокотившись

локтями о стойку, еще раз оглядел всю компанию. Большинство из еще сидевших за столиками посетителей почему-то стали вставать и торопливо звенеть монетами, расплачиваясь.

– Во, гляди, – повернул к Бармалею свою лохматую голову старик, – побежали, тараканы.

И вдруг крикнул на весь зал:

– Всем полным людям пора по домам! Странник веселиться будет, кто не спрятался – я не виноват!

Тут он повернулся в мою сторону и несколько секунд внимательно меня разглядывал. Потом зарокотал в сторону хозяина:

– Я не думал, что такие рыжие еще сохранились. В твоей рыгаловке новый симпатичный экземпляр смелого полного человека? Значит, повеселимся!

Хозяин наклонился и что-то быстро зашептал ему на ухо. Старик круто повернулся и снова посмотрел в мою сторону. На миг наши глаза встретились, и я едва не поперхнулся, наткнувшись на черное пламя, бушевавшее в его зрачках.

– Тогда это еще интереснее, – громко проворчал дед и, подхватив одной рукой свою дубину, а двумя пальцами другой руки горлышко графина, направился в мою сторону. Стоявший на стойке бокал соскользнул с нее и поплыл следом за ним.

Старик вошел в мой кабинет и расположился на стуле напротив меня, прислонив свою дубину к столу и бесцеремонно меня разглядывая. Бокал проплыл мимо моей щеки и мягко опустился под боком у графина, который мой новый сосед по столику поставил перед собой. Как только бокал прекратил свое движение, графин наклонился, и светло-фиолетовая жидкость наполнила его доверху. Ни капли не пролилось на стол. В воздухе запахло фиалками. Старик, не глядя, ухватил бокал за донышко и начал шумно прихлебывать, не сводя с меня глаз.

Несмотря на охватившее меня волнение, я старался держаться непринужденно и спокойно доедал свое мясо.

– Ну что, наслаждаемся экзотикой незнакомого мира, – первым прервал молчание дед. – И как тебе здесь нравится, новенький?

В его голосе явственно звучала насмешка, и меня это сразу завело. Я налил в бокал воды и, отхлебнув, в упор посмотрел на него.

– Вполне прилично, старенький. Вот если бы манеры некоторых посетителей этого симпатичного заведения были попримечнее, вообще все было бы прекрасно.

Старик запрокинул голову и оглушительно расхохотался.

– Ваши реакции неадекватны, – сурово заявил я. – Я еще не начал травить анекдоты.

Дед швырнул бокал на стол и начал обеими руками вытирать слезы. От его хохота тряслись перегородки. А меня начало трясти от ярости.

– Слушай, дед, ты действительно умеешь веселиться. Я еще ничего не сказал, а ты помираешь от хохота. Что с тобой будет, если я хотя бы чуть-чуть пошучу?

Старик взглянул на меня совершенно сухими глазами, и в его зрачках опять на миг взметнулся черный яростный вихрь. Но лицо его продолжало улыбаться и выглядело крайне добродушно.

– Меня зовут Странник. Я крайне редко встречаюсь с людьми, а сегодня захожу в свою любимую забегаловку и натыкаюсь на такого славного, рыжего, смешного, злого парня. И какой интересный и своеобразный у тебя язык. Такой язык хорошо иметь дома, чтобы всегда можно было вынуть, поболтать.

– Ну, в то, что ты редко видишь людей, я охотно верю – видел, как они разбегаются при твоём появлении. И при твоих манерах, конечно, проще беседовать с языком. Мне же больше нравится во время беседы глядеть в глаза собеседнику.

Странник широко открыл глаза и наклонил голову набок.

– Какая интересная мысль, – заявил он через секунду. – Как мне раньше в голову не пришло. Конечно же, надо забирать и язык, и глаза. А я-то все думаю, что такое – и беседа вроде интересная, а на душе пусто. Точно, глаз-то не видно. – Он довольно закрутил головой: – Ну ты – умница!

Мне вдруг стало не по себе. Я живо представил себе болтающийся сам по себе язык, а над ним взгляд немигающих глаз.

Странник опять сгреб бокал и принялся прихлебывать из него. Зал быстро пустел, и скоро мы остались одни. Почти все свечи в люстре погасли, и только наш столик освещался каким-то неверным шелестящим светом. За темной стойкой черной тенью маячил хозяин.

Выхлебав бокал, Странник поставил его рядом с графином и, дыхнув на меня ароматом фиалок, заявил:

– А ты что воду хлебаешь? Болен? Давай подлечу? Когда Странник веселится, все должны пить вино!

На столе возник второй бокал – точная копия того, из которого пил дед. Вода в моем бокале вдруг закипела и стала быстро испаряться, сам бокал покраснел и начал плавиться, через секунду он превратился в небольшую прозрачную лужицу. Лужица вспыхнула багровым чающим пламенем, и на столешнице осталась сиротливая горстка сажки. В лицо мне дохнул неизвестно откуда взявшийся порыв ветра, и сажу сдуло. Стол был девственно чист. На нем стояли графин и два бокала, мои приборы тоже куда-то исчезли. Графин наклонился над одним, затем над вторым бокалом и опустил на стол. Бокалы были полны, а жидкости в графине не убавилось.

– Прозит, – брякнул вдруг Странник, поднимая свой бокал. Бокал, предназначенный мне, поднялся над столом и поплыл в мою сторону. Я непроизвольно ухватил его за ножку.

Странник опять начал прихлебывать из бокала. Я осторожно понюхал предложенную выпивку. Интенсивно пахло фиалками. Сквозь хрустальные грани бокала вино бросало во все стороны короткие фиолетовые лучики.

Вообще-то я не люблю алкоголь, хотя при необходимости могу выпить достаточно много. Правда, потом бывает довольно мутно, и полночи мне приходится спать сидя, но что не сделаешь в кураже. Однажды в Грозном, еще во времена СССР, я в теплой мужской компании вытянул пол-литра «Столичной» из горлышка. И даже не на спор, а так, между делом. Но, как уже говорил, особого удовольствия от выпивки я никогда не испытывал. Да и голову мне хотелось иметь свежую.

– Что принимаешься? Никакой отравы – чистое ренское фиалковое, – забасил Странник.

– А закуски к нему не полагается? – неуверенно спросил я.

– Слушай, ты же только что поел. Дорогой мой, есть время есть, есть время пить, и не надо смешивать времена! И потом, если в чашу с едой... – он покрутил пальцем над столом, и на столешнице замерцала полупрозрачная чашка с каким-то салатом, – ...налить вина... – из появившегося над столом призрачного кувшина в призрачную чашку полилась призрачная красная струя, превращая содержимое чашки в какое-то неаппетитное месиво, – ...неужели ты станешь это хлебать? – И Странник довольно захохотал. Чашка стала исчезать, распространяя заплесневелую вонь.

Я вдохнул из бокала аромат фиалок, заглушая фантомный вонизм, и слегка пригубил напиток. Вино было сухим, прохладным и немного кисловатым на вкус. Глоток стекал по гортани, легко щекоча ее, и, достигнув желудка, вспыхнул праздничным фейерверком. Я поспешно сделал еще глоток, заливая предыдущий, и все повторилось сначала, только теперь у меня в желудке разорвалась маленькая бомба. Это немедленно потребовало третьего глотка, и я подумал, что такими темпами быстро доберусь до зелененьких чертей.

Между тем Странник влез на трибуну.

– Пить сок божественной лозы – то же самое, что познавать тайны мироздания. Трезвый человек, даже если он полный, – язвительно добавил он, – видит мир, как плоский серый задник бытия. Краски, запахи, тревоги и желания окружающего мира проходят мимо его спящего сознания и с треском отскакивают от его погруженного в меркантильные расчеты разума. Только вино способно разбудить творческое восприятие мира, только вино способно усыпить сухой, расчетливый разум. Только вино способно подарить человеку, даже полному, всепроникающее ощущение полноты окружающего мира, его палитру и ароматы, его чудеса и страсти.

– Ага, особенно если он допьется до того, что упадет рожей в этот самый окружающий мир, – ворчливо добавил я, глядя на свой опустевший бокал.

– Немедленно поставь стаканчик! – приказал Странник строгим голосом. – И не перебивай старших.

Я быстро поставил бокал на стол, и графин тут же наклонился над ним, наливая новую порцию «сока божественной лозы».

Старик смотрел на меня, грозно сведя брови, пока я опять не взял бокал в руку. Потом он хлебнул из своего бокала и удовлетворенно вздохнул.

– А с чего это ты так незалюбил полных людей? – хмуро поинтересовался я. – Тебе что, больше нравятся худые?

Странник подавился очередным глотком, закашлялся. Он кашлял, хохотал, пукал, раскачивался на стуле, грозя свалиться на пол, вытирал слезы руками и бородой, в общем, вел себя все более неприлично. Я с изумлением наблюдал за его безудержным весельем. Насмеявшись вволю, он поймал свой бокал, который все это время плавал вокруг него, и радостно взглянул на меня:

– Вот точное название для всей этой пыльной братии – худые люди. Из них же все вытекает быстрее, чем они наполняются.

Он внезапно разъярился.

– Как высокомерно называют они себя – «Полные люди», как они не любят своего настоящего имени – «Неполные маги». А ведь на самом деле они – недоучки. Научился разгонять или собирать облака, делать поющие кровати или лепить ночные горшки, пожирающие попавшее в них дерьмо, и уже «Я – полный человек».

И уже совсем осатанев, он грохнул кулаком по столу:

– А на самом деле ты – полный архар.

Он так же вдруг успокоился и усмехнулся себе в бороду.

– Любимое их занятие – перебирать желтяки и беляки. Когда полный человек перебирает свои желтяки, он даже свой страх забывает.

– А чего ж ему бояться?

– А того, чего боится любой недоучка. В любой час, минуту, миг может появиться маг, который знает в азбуке жизни на три буквы больше, и полный человек, повинувшись жесту, или звуку, или взгляду, сделает то, что этому магу нужно. А магу не нужны желтяки и беляки, магу нужна власть. Власть и повиновение. От поклонения и славы он тоже не откажется. Так вот, он придет, взглянет на блеск желтяков, что собрал полный человек, а потом пошевелит бровью, и потечет кровь и дерьмо. А пустую шкуру бывшего полного человека вывешат на видном месте, чтобы другие не забыли страх. Но вместо того, чтобы искать знаний и защищать собственную жизнь и достоинство, эти полные люди копят золото и верят, что маг придет не к нему, а к его соседу.

– А как же закон?

– Это и есть закон нашего мира.

– Мне казалось, этот Мир прекрасен!

– Да, этот Мир прекрасен, пока не сталкиваешься с этими безмозглыми тварями, называющими себя «венцом творенья». Как точно об этих «венцах» было сказано – «ленивы и нелюбопытны». И что самое страшное, они и думать не хотят, что заперты в своем маленьком мирке, словно крысы в клетке. Ведь за морем, за горами и пустынями есть другие страны и миры. Страны и миры невообразимо прекрасные и богатые.

Это было интересно!

– А откуда это известно?.. – пьяно поинтересовался я.

– Да всем это известно. Все знают эту легенду. Когда-то давно наш мир был большим и сильным. В нем было много морей, много рек, озер, лесов, городов. Только однажды, не знаю, за какую уж провинность, могучие маги отгородили нас от этого мира горами, морем и пустынями. А ведь мы умели ходить морем! Но скалы и мели погубили наши корабли. А здесь люди, и маги, и сами магистры смирились с крошечностью своего мира и не хотят другого. А я найду!.. – Странник грохнул кулаком по столу. – Я найду проход! Я трижды уходил в пустыню и трижды мне приходилось возвращаться, но я уже узнал четыре заклинания текучего песка. Я все равно пройду эту чертову пустыню! Потому что я – Странник.

Он замолчал, отхлебнул из бокала и покачал головой.

Я тоже торопливо хлебнул и закинул свой следующий шар.

– Ну ты сам только что сказал, что в этом чудесном мире имеются не только полные люди, есть и полные маги, которые изготавливают не только голодные ночные горшки, а магистры – те ва-а-а-ще...

Странник с усмешкой посмотрел на меня:

– Эти испуганные волшебники, колдуны, чародеи, пророки, маги действительно могут проделать на пять-шесть фокусов больше обычных полных арха... к-хм... людей. А знают не намного больше. Вся их энергия уходит на междусобойные разборки и выяснения – кто кому может больше нагадить в огороде, у кого больше подхалимов среди полных людей, кого больше ласкают магистры. Знания для них – навоз, которым они удобряют собственный страх, ненависть, тщеславие, зависть. И этого навоза им немного надо. Слышал, два дня назад один маг опять ухайдокал другого. Знаешь, чего они не поделили?

Я с интересом уставился на Странника, поскольку разговор, похоже, вплотную приблизился к моей персоне.

– Кто-то стукнул Арку из Холма, что Алый Вепрь расколлот заклинение тысячи мечей и собирается к нему в гости обсудить давнюю тайну гибели своего старшего брата. Арк тут же наклал полный ночной горшок, а затем собрал всех, кого смог, и поехал устраивать на Вепря засаду. И где? В лесу Золотой Погибели! Зараза, пожалел бы честную змею! Правда, Вепрь здорово потрепал Арково воинство, и если бы не подкупленный перебежчик, плыл бы Арк к новому телу. Но... Везет сильнее тому, кто подлее. Теперь Вепрь и все его знания ушли, а Арк надеется что-то узнать у языков сопровождавших Вепря людей. А твои хваленые магистры пальцем не пошевелили. И вообще, я слышал Красный Магистр сам науськивал Арка на Вепря.

– Он чего, этот магистр красным стал, от стыда, что ли? – ляпнул я и опять хлебнул из бокала.

Странник совершенно трезвыми глазами уставился на меня:

– Ага, а Синий от холода посинел! Ну и шуточки у тебя. Как у Белого Магистра.

Я пьяно захихикал:

– У него что, вся спина белая?

Странник опять захохотал со слезами и пуканьем. И опять его бокал медленно плывал в воздухе.

– Мне нравится, рыжий, твое отношение к магистрам! – заявил он, отдышавшись. – В нем чувствуется личная независимость. Слушай! – воскликнул он, хлопнув рукой по столу. – Я сам с Вепрем знаком не был, но слышал, что он тоже был очень рыжий!

– Дался вам всем мой окрас! Что у вас здесь, рыжий волос вне закона?

– Нет. Просто, как правило, рыжие – очень хорошие маги, очень любопытные и везучие, – добавил он, – и очень наглые.

– Наглее тебя? – вопросительно уставился я на него.

– Пожалуй, нет, – задумчиво ответил Странник.

– Так что ты там бормотал по поводу раскраски магистров?

Видимо, Странник потерял нить разговора, поскольку недоуменно уставился на меня.

– Ну, ты талдычил, что Красный Магистр совокупно с Арком из-под Холма взялся перекрасить Синего Магистра в сиреневый цвет.

Прокатилась новая порция хохота и сопровождающих его звуков.

Отдышавшись, он уставился своими голубыми глазами мне в переносицу и заявил:

– Такое впечатление, что ты никогда не учился в школе, хотя выглядишь и разговариваешь, как образованный человек. Твое бесстрашие в разговорах наводит на мысль или о слабоумии, или о чрезвычайной уверенности в своих силах. Я думал, что так рассуждать о магистрах, кроме меня, в этом чудесном мире никто не посмеет. Рад видеть, что это не так.

– Просто твоя «Фиалковая гроздь» полностью растормаживает подсознание, и теперь я понимаю, что имел в виду Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост. – Я помолчал. – Или косые уши, длинные глаза... – Я опять помолчал. – Ну, не важно... в общем, Заяц по фамилии Мамин-Печерский, когда говорил: «Надоело мне бояться, никого я не боюсь!»

Странник мечтательно уставился в висящий над нами череп.

– Как поэтично – «Фиалковая гроздь». Эй, профессиональный отравитель, – заорал он в сторону черной тени за стойкой.

Перед нами возник Бармалей.

– Впредь до скончания веков чистое ренское фиалковое будешь называть «Фиалковая гроздь», понял. – Странник сурово уставился на ресторатора.

Тот молча кивнул.

– Свободен, – махнул рукой Странник.

Когда Бармалей опять превратился в сгусток тьмы за прилавком, Странник перевел взгляд на меня и заговорил нараспев совершенно трезвым голосом.

– Так вот, о магистрах. В Мире их всего девять: Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой, Синий, Фиолетовый, Черный и Белый. Магия, достигая определенного совершенства, окрашивается в чистый цвет. Когда цвет магии, используемой магом, становится достаточно интенсивным, рождается Магистр. Очень редко маг, совершенствуясь, начинает сплавлять в своем умении магию разных цветов, и тогда либо цвета сливаются и рождается Белый Магистр, либо цвета умирают и рождается Магистр Черный. Рождение Магистра происходит очень редко. Два магистра, использующих магию одного цвета, неизбежно вступают в схватку. Но Магистры живут очень долго, а молодому, способному магу очень редко удается дорасти до знаний и умения Магистра. Обычные маги за «тридцать сребреников» выявляют их еще в школах, и они исчезают.

Странник горестно опустил голову.

– А Великий Магистр?..

Он огляделся по сторонам.

– Великий Магистр? Великий Магистр – Серый, ибо слил в себе магию Белую и Черную. Но его давно никто не видел, и мало кто верит в его существование.

– Какая странная иерархия, – задумчиво проговорил я.

– Да, странная. Серый. Белый и Черный. Красный, Желтый и Синий. Оранжевый, Зеленый, Голубой и Фиолетовый. Правда, – добавил он задумчиво, – древние утверждали, что существует магия только Добрая и Злая, Алая и Золотая, но никто этому не верит. Слишком много слагаемых в одной магии.

Мы помолчали.

– А как тебя зовут, рыжий? – услышал я вопрос, которого очень боялся.

Потягивая из бокала и не чувствуя вкуса вина, я лихорадочно размышлял, что же мне ответить. Наконец, когда молчание сгустилось до такой степени, что стало обретать материальные формы, я решил: будь что будет – и негромким шепотом откровенно поведал Страннику историю своего появления в этом Море. Я рассказал о родной Москве, о непрочитанной книге, о том, как очнулся на обочине дороги, под виселицей, о том, как срывались и уходили в темноту висельники, даже о своей встрече с облами и их странным и страшным пророчеством о конце этого Мира, поделился и своими намерениями разыскать какого-нибудь магистра и попытаться с его помощью вернуться назад, домой.

– Значит, пришлец в теле мага, – негромко и задумчиво протянул Странник, выслушав мой рассказ. – Как же это Красный допустил такую промашку? – Он поскреб свою макушку, отхлебнул из бокала. – И как же нам тебе помочь?

Мое сердце радостно прыгнуло в груди – я все-таки нашел человека, мага и, похоже, сильного, который согласился мне помочь.

– А я боялся, что ты сразу потащишь меня в синее пламя.

– Ага! Ты и об этом знаешь? Ничего, желающие увидеть тебя в синем пламени быстро найдутся и без меня. – Он опять ненадолго задумался. – Никто не знает путей магистров, – протянул он себе под нос. – Ну что ж, где наша не пропадала, давай-ка попробуем посмотреть, чем заняты интересующиеся тобой лица.

Пошарив в карманах своих широких штанов, он достал метра два витого шнура, похожего на тот, которым был подпоясан, небольшую металлическую коробочку и стеклянный, а может, хрустальный шарик. Затем, переставив графин в центр стола, Странник уложил шнур широким кольцом вокруг графина и посыпал его каким-то серебристым порошком из своей коробки. Вино в графине забурлило, как только что открытый «Спрайт», и от него во все стороны начало распространяться мерцающее фиолетовое облако. Достигнув разложенного шнура, облако остановилось, и над столом сформировалась красивая, светло-сиреневая облачная полусфера, вспыхивающая изнутри переливающимися лучиками и звездочками. Странник, бормоча вполголоса непонятные слова, размахнулся и широким круговым движением запустил свой шарик, который быстро помчался по уложенному шнуру против часовой стрелки. Продолжая что-то бормотать, Странник раскинул руки в стороны, как бы обнимая полусферу, и вдруг явственно произнес:

– Смотри, слушай, запоминай...

Я, упершись грудью в стол и схватившись руками за край столешницы, внимательно взгляделся в трепетавшее передо мной мерцание. Туман над столом медленно рассеялся, и только по краям мягко сияла сиреневая кайма. Внутри полусферы я ясно видел большой темный стол, освещенный двумя свечами, стоявшими по его краям в причудливых серебряных подсвечниках, и красным мерцанием, лившимся из-за спины сидящего за столом человека. На столе лежали несколько раскрытых толстых фолиантов, небрежно свернутых и брошенных свитков, стоял серебряный письменный прибор, из стаканчика которого торчали три белых пера с окрашенными в красное кончиками. Сидевший за столом человек, наклонив голову набок, что-то торопливо писал на плотном листе бумаги. Я явственно слышал скрип пера и тихое посапывание пишущего. Вдруг у меня мелькнула мысль, что я наблюдаю за работой знаменитого кардинала Ришелье, и тут же я понял источник возникшей ассоциации. Все, что было надето на этом господине, имело ярко-красный цвет. Даже волосы, спадавшие

до плеч из-под круглой красной шапочки, имели красноватый оттенок. Более того, вся его фигура, казалось, испускает неясное красноватое сияние, погружаясь в эту туманную ауру и теряя в ней четкость своих очертаний. Единственной вещью, отличавшейся по цвету, был похожий на золотой цветок медальон с крупным рубином в центре, висевший у него на груди на толстой кованой цепи червонного золота.

Человек поднял голову и в упор взглянул мне в глаза. Я отшатнулся, но сразу догадался, что он меня не видит. Красный Магистр – а это был, без сомнения, он – задумчиво покусывал кончик пера. Его спокойное, удлиненное лицо выглядело удивительно благородно. Высокий белый лоб, рассеченный двумя вертикальными морщинками, круто изогнутые черные брови, а под ними глаза чистого изумрудного цвета, прямой длинный нос, с кончиком, крючкато падающим на тонкие, яркие губы и, наконец, упрямый подбородок с ямочкой посередине дышали зловещим могуществом, непоколебимой верой в себя.

Несколько секунд мы, казалось, разглядывали друг друга сквозь мерцающее стекло, и вдруг раздался стук в дверь. Изображение резко отодвинулось, и стала видна вся комната. Она поражала своими размерами. Сразу за столом, в огромном камине пылал яркий огонь, отбрасывающий отсветы на окружающие предметы, но бессильный разогнать полумрак, окутывающий все остальное пространство комнаты. Потолка не было видно, он терялся в черном провале темноты, стены смутно угадывались под всполохами пламени из камина, пол, застеленный ковром багрового рисунка, исчезал в плотной тени в нескольких метрах от стола.

Услышав повторный стук в дверь, Красный Магистр как-то странно дернул головой, бросил перо на стол и, откинувшись в кресле, проворчал себе под нос:

– Входи...

На темном фоне стены появился еще более темный узкий прямоугольник, и из него в освещенное пространство выступил высокий бледнолицый мужчина, одетый в сверкающую кольчугу без рукавов с высоким пластинчатым воротом и короткой юбочкой, черные замшевые штаны его были заправлены в высокие черные сапоги, позвякивающие короткими золотыми шпорами, на богато украшенном поясе висели меч в нарядных ножнах и широкий короткий нож в простом железном кольце. Правой рукой, обтянутой рукавом красной шелковой рубахи, мужчина обнимал глухой шлем, наверху которого украшал литой серебряный кулак, левый рукав рубахи отсутствовал, и из-под кольчужного наплечья неуместно торчала коротенькая детская ручка с пухлым локотком, таким же запястьем и маленькими беспомощными пальчиками, жившими, казалось, своей самостоятельной жизнью.

Мужчина остановился, молча преклонил колени и опустил голову. Магистр безмолвно разглядывал вошедшего.

Затем, презрительно сморщившись, он повернулся к столу и процедил сквозь зубы:

– Говори...

Стоявший на колени поднял голову и проговорил неожиданно высоким фальцетом:

– Магистр, я выполнил ваше указание...

Я понял, что это Арк из Холма.

– Выполнил? – прорычал Красный, вскочил, едва не опрокинув кресло, обогнул стол и заметался в освещенном круге. Сразу стало видно, что он буквально взбешен.

– И кто же это дал тебе указание убивать Вепря? Кто вложил в твою безмозглую башку нечестивую мысль об этом убийстве? Я тебя не раз предупреждал, что Вепря надо захватить, задержать и, бдительно охраняя, доставить ко мне в Искру. Но ни в коем случае не лишать жизни! Ни в коем случае! А ты! Умник, ты даже не представляешь, какие силы ты выпустил на волю!

– Я спасал собственную жизнь, – вставил свое слово Арк.

Магистр резко остановился и повернулся к Арку.

– Спасал собственную жизнь? – с издевкой переспросил он. – Зачем? Чтобы дать работу Жилю? – Лицо Магистра перекосила гримаса отвращения. – Или ты догадывался, что магистерский палач Жиль давно по тебе скучает?

Даже в неверном свете мерцающего огня было видно, как страшно Арк побледнел.

– Меня осудили? – осевшим голосом спросил он.

– Да, – заорал Красный. – Тебя осудили. – И полюбовавшись реакцией своего собеседника, который готов был грохнуться в обморок, добавил тише: – Тебя осудили семь из девяти.

Арк тряхнул головой, как будто отгоняя какой-то жуткий призрак, и с надеждой спросил:

– Значит, я получил отсрочку?

– Тебе опять дали шанс, хотя Синий заявил, что ты – клинический случай отсутствия разума и помочь здесь может только председатель гильдии палачей, а Оранжевый требовал скормить тебя Большому Ночному Горшку.

Арк скрипнул зубами.

– У меня было сорок два человека против его пяти. Но Вепрь убил четырнадцать из них и добрался до меня. Если бы не подкупленный мною второй щитоносец Вепря Бара, он и меня бы зарубил. Легко сказать «захватить, держать и доставить», а кто это смог бы сделать?

– Ты сам взялся за эту работу. И уже получил за ее выполнение то, что хотел...

– Вот что я получил, – фальцетом крикнул Арк и дернулся, выставляя вперед левую детскую ручонку.

Красный усмехнулся и процедил:

– Это недостаточная плата за невыполнение четкого указания Магистра. Для тебя было бы лучше погибнуть.

– Нет, для меня и для всех лучше было, чтобы погиб Алый Вепрь. И я это сделал! – Арк выпрямился, насколько ему позволяла его поза.

– Да? – хищно наклонившись к нему, прошипел Магистр. – А почему позавчера днем Поющий подал голос? Почему вчера на рассвете лес Золотой Погибели навестили облы? И наконец, самое главное – где доспехи и оружие Вепря?

С каждой фразой голос Магистра набирал мощь, и последние слова раздавались уже как раскаты близкого грома. Арк откинулся назад и, уронив шлем, прикрыл лицо тыльной стороной правой ладони, затянутой в перчатку. Его левая рука странно дергалась и сучила маленькими пальчиками.

– Его шлем был разбит, – донесся еле слышный шепот из-под перчатки, – а меч и доспехи невозможно было взять – руки проходят сквозь них, как сквозь текучую воду.

– А его кинжал? Где его кинжал? Мне необходим его кинжал!

– При нем не было кинжала, – прохрипел Арк и, наклонившись вперед, оперся правой рукой о пол. – Зато у меня его люди.

Магистр презрительно взглянул на Арка и вернулся в свое кресло за столом.

– Да, Вепрь гораздо более сильный маг, чем ты. Но закончим этот ненужный разговор. Я больше не хочу видеть тебя в своем замке – Искра строилась не для таких, как ты. Тебе надлежит выполнить взятую на себя работу – в течение трех дней найти тело Алого Вепря и доставить его вместе с оружием и доспехами ко мне в замок, кто бы в этом теле ни находился. И помни о главном – о его кинжале! Если ты его принесешь, я постараюсь, чтобы твою глупость простили. После этого и в зависимости от этого Совет примет решение по отсрочке. И помни: самого Вепря уже нет, а тот, кто пришел в его тело... – Красный отвернулся, недоговорив.

– Я найду его, – выплюнул сквозь стиснутые судорогой зубы Арк. – Тем более мне есть кого за ним послать!

Но Магистр уже прекратил разговор и, не замечая более стоявшего на колене человека, подтянул к себе один из свитков и, покусывая перо, принялся внимательно его изучать. Арк подхватил лежавший на полу шлем и, шатаясь, поднялся с колена. Постояв немного, он направился к двери, но остановился и, полуобернувшись, тихо спросил:

– Магистр, кто голосовал... за меня?

Красный, не оборачиваясь, так же тихо ответил:

– Белый, – и, помедлив, добавил: – И я.

– Спасибо, – еще тише произнес Арк и выдохнул: – Отец. – Затем он повернулся и быстро вышел из комнаты. Красный никак не отреагировал на его последние слова. Отодвинув свиток в сторону, он опять принялся что-то строчить.

Немного погодя он раздраженно бросил перо и задумчиво проговорил:

– Глупый мальчишка. Он ничего не понял. Он ничего не способен сделать. Эта задача ему не по зубам. – Магистр с силой потер виски. – Придется мне самому заняться этой проблемой.

Фиолетовая каемка, ограничивающая изображение, вдруг громко затрещала. Красный вскинул голову, как будто что-то услышал, но в этот момент граница изображения ярко вспыхнула – и все пропало.

В середине стола стоял пустой графин. Вокруг него на столе слабо дымилось кольцо бархатно-черного пепла, а рядом валялся расколотый и оплавленный шарик. Странник, неловко подвернув руку, неподвижно лежал рядом со столом. Я, вскочив на ноги, двинулся было к нему, но из мрака выдвинулась усатая, красноносая физиономия хозяина. Успокаивающе подняв руку, он произнес:

– Не надо его трогать, господин. Он спит, и я о нем позабочусь. Тебе тоже надо отдохнуть. Быть может, завтра вечером вы опять встретитесь.

Наклонившись, он накрыл Странника темным покрывалом и поманил меня за собой. В его ладони, как в неглубокой плошке, замерцал неизвестно откуда взявшийся огонек, разгоняя густой мрак, и я двинулся следом за ним сначала к лестнице, а затем к дверям своей комнаты. Доведя меня до дверей, Бармалей прошептал: «Спокойной ночи, господин», – смял огонек в ладони и растворился во мраке. Я толкнул дверь и вошел в комнату.

Интерлюдия

Было около четырех часов утра. Мягкий рассвет вплывал в одуревший от жары город, которому даже уходящая ночь не принесла желанной прохлады, лишь слегка умерив духоту. Москвичи забылись неглубоким утренним сном, почесывая искусанные комарами тела. На улицах и во дворах было светло, тихо и чисто. Скоро, скоро по улицам пойдут автобусы и грузовики, выбрасывая первые порции вонючего дыма, затем к ним присоединятся юркие частники, а за ними и городская индустрия начнет по силе возможности травить жителей отходами своей кипучей деятельности, обеспечивая удовлетворение их растущих потребностей. И город снова приобретет свой привычный замусоренный, замызганный, зачумленный вид бегущего не зная куда существа, начисто лишённого чувства самосохранения.

В этот чистый, светлый час по лестнице знакомого нам дома на Ташкентской улице Москвы, шаркая подошвами, торопливо спускался старик, одетый в одни старые потертые шаровары и шлепанцы на босу ногу. На площадке между третьим и четвертым этажами он задержался и внимательно осмотрел не только относительно чистый подоконник, но и давно не убиравшееся пространство за расположенной под ним батареей отопления, как будто там мог кто-то спрятаться.

– Так, – пробормотал он хрипловатым от сна голосом, – Ванька все еще не появился, гулена.

Спустившись во двор, он обогнул угол дома и вышел на перекресток к телефону-автомату. Как ни странно, тот был в рабочем состоянии. Старик нашарил в заднем кармане шаровар жетон и, швырнув его в приемную щель, быстро набрал странный восьмизначный номер. В трубке что-то пискнуло, и раздался сонный женский голос:

– Коммутатор...

– Третьего, пожалуйста, – попросил старик.

– Кто спрашивает? – поинтересовалась трубка.

– Кто, Кто – дед Пихто, – схамил дед.

– Антип, ты, что ли? – опять поинтересовалась трубка.

– Я, я. Соединяй давай, – потребовал старик.

– И что тебя ни свет ни заря по улицам носит, – заворчала трубка и добавила официально: – Соединяю.

В трубке опять запищало, а затем послышался недовольный густой баритон:

– Третий слушает.

– Антип беспокоит, – проговорил старик и, не давая собеседнику высказать свое отношение к столь раннему звонку, быстро продолжил: – Ильи нет трети сутки. Я что-то начинаю беспокоиться. Кот ушел вчера и тоже не вернулся. Может, вмешаться?

– Интересно, как ты себе представляешь это вмешательство? – сухо ответила трубка. – Выдернуть его нельзя, руки у нас короткие. Связи, сам знаешь, нет и быть не может. Что кот ушел – хорошо, значит, твой подопечный действует и вызывает требуемую помощь. Что ты дергаешься?

– Да, но трети сутки пошли!

– В его распоряжении пять суток. Пять! Что ты трясешься раньше времени.

– Так никто и никогда полный срок не отбывал.

– А вот это зависит от способностей. Ты же сам, предлагая книгу для него, расписывал его способности.

– Значит, ждать?

– Ты же знаешь, что беспокоиться нечего. В крайнем случае его выкинет обратно и все. Будет парень жить по-прежнему, ничего о тебе не зная. Даже как сон вряд ли запомнит.

– Ладно, будем ждать, – и тут же с еще большей тревогой: – А если он через пять суток не вернется?

– Ты прекрасно знаешь, что он должен вернуться на пятые сутки, не позже! Если он задержится... Ну что ж, опять-таки волноваться нечего. Мои знакомые в клинике Кащенко не откажутся позаботиться о моем хорошем знакомом. Я надеюсь, что плакать по одиночному свихнувшемуся молодому человеку особенно некому? Потом отправим его в Сибирь – долечивать. – В трубке натужно закричали, помолчали, ожидая, не добавит ли чего-нибудь Антип, и бодрым тоном закончили: – Все, привет. Не паникуй и постарайся не звонить больше до результата.

– Привет... – задумчиво протянул старик и повесил трубку.

Он вышел из будки и глубоко вздохнул. Мимо прошелестела старенькая красная «шестерка», отработавшая, похоже, ночную смену, и снова стало тихо. Старик медленно двинулся во двор. Повернув за угол и шаркая к парадному, он вдруг краем глаза уловил промельк огромной черной тени на лестнице, ведущей в подвал, и тут же услышал придушенный крысиный писк. Когда он подбежал к лестнице, там никого не было. Только на предпоследней ступеньке темнело небольшое свежее кровавое пятно. Старик довольно улыбнулся.

– Связи нет, связи нет, – пропел он мотив песенки из «Карнавальной ночи».

Он снова направился к парадному, открыл дверь и, немного постояв на пороге, вошел внутрь. Тяжело поднимаясь к себе на одиннадцатый этаж, он тихо покачивал головой, и с его губ не сходила довольная улыбка.

6. Мох. День

...В силу своего несерьезного еще возраста я мало в чем до конца уверен. Точнее, до конца я уверен только в одном: каждый живой человек во что-то верит. В Бога, в дьявола, в научно-технический прогресс, в приход светлого будущего, в то, что все будет хорошо, в то, что ничего хорошего не будет, в то, что ему не изменяет жена, или ее муж – отпетый юбочник... Человек верит!

Не пытайтесь его разуверить! Если Вам это не удастся, он будет над Вами смеяться. Если удастся, то Вы наживете себе врага...

Я не знаю, сколько было времени, когда я добрался до своей кровати, но спать мне, похоже, пришлось не слишком долго. Я вынырнул из сна, почувствовав, как по мне прошлись кошачьи лапы, и тяжелое тело, спрыгнув на пол, направилось в сторону окна, а затем раздался милый и такой родной голосок Леди:

– Вот так проверяются мужчины. Добрался до первого кабака и тут же ударился в загул. Уходит перекусить и возвращается в три часа ночи пьяный и весь в губной помаде.

Я тут же сел в постели и скинул с себя одеяло, намереваясь кинуться к зеркалу и посмотреть, что там на мне за помада. И тут же понял, что спал совершенно голый. Натянув на себя одеяло, я растерянно пробормотал:

– Ничего не понимаю...

Действительно, я отлично помнил, как в сопровождении Бармалея добрался до дверей своей комнаты и вошел внутрь, а дальше – полный провал.

– Ну конечно, сейчас он начнет уверять, что его опоили нехорошие друзья, что он ничего не помнит, что у него раскалывается голова, что денежки у него тютю, а во рту бябьяка, и вообще все произошло, когда он был в полном беспамятстве, – изгалялась Леди. – И будет требовать, чтобы его пожалели, как безвинно пострадавшего на ниве борьбы с зеленым змием.

– Лучше бы мой бессонный страж поведал мне, что стряслось со мной в беспросветном мраке прошедшей ночи? – подхватил я ее игру. – И кто дерзнул совлечь с меня одежды и стырить оные?

– Как только ты в беспросветном мраке закрыл за собой дверь, ты тут же рухнул как подкошенный около порога. Пока я размышляла, что же мне с тобой делать, а этот бездельник, Ванька, прогуливался вокруг тебя, делая вид, что охраняет, появился твой ангел-хранитель, Лаэрта. Именно она перетасила тебя на постель, раздела, умыла твою щетинистую физиономию, омыла твои ноги и укрыла тебя одеялом из лебяжьего пуха. Затем она выгребла все, что было в карманах твоей одежды и, сложив это барахло на столик, унесла ее с собой. Около часа назад она все принесла назад и сложила на кресле.

Я лежал красный, как вареный рак, и почти не дышал. Скосив глаза, я действительно увидел на кресле свой наряд, сложенный аккуратной стопкой. Похоже, его выстирали, высушили, выгладили и что-то там еще с ним сделали...

– Как же она дотащила меня до кровати? – наконец выдавил я.

– Я же тебе говорила, что это очень способная девочка. Фея. В отличие от меня она может удерживать в воздухе не только металл, но и живую плоть. А вообще, мне кажется, что она в тебя влюбилась, иначе с чего бы ей с тобой возиться.

– Ага, влюбилась... – недоверчиво бормотал я, обдумывая в то же время, как мне добраться до своей одежды. Наконец я, подвинувшись боком к краю кровати, медленно сел,

свесил ноги и, обмотав вокруг пояса комок одеяла, встал. Мелко перебирая ногами, я двинулся в сторону кресла.

– Ой, ой, ой... какие мы стеснявцы, все покрасневши, побледневши и обмотавши, – тут же набросилась на меня Леди.

Я, не обращая внимания на ее издевательства, подхватил лежавшие сверху штаны и направился назад, к кровати. Спрятавшись под одеяло, я быстро натянул на себя штаны и сразу почувствовал себя гораздо увереннее. Хотя мне по-прежнему было не по себе при мысли о том, что Лаэрта лицезрела меня совершенно голым. Сна у меня уже не было ни в одном глазу, я решил, что далее валяться в кровати не имеет смысла, и решительно сбросил с себя одеяло.

За окном просыпался городок. Постукивали копыта лошадей и колеса повозок, раздавались приглушенные голоса людей и звяканье железа. Изредка прорезывался неожиданный и какой-то придушенный крик петуха, переходивший в затухающее невнятное бормотание. Окно, рама которого поднималась вверх на манер английской, было открыто. Я умылся прохладной водой, расчесал пятерней свои рыжие космы и, поглядев в зеркало, решил, что сегодня обязательно побреюсь. Пока я приводил себя в порядок, одевался и рассовывал по карманам «барахло», выложенное моей феей на столик, Леди, устроившись на спинке кресла, помалкивала и внимательно за мной наблюдала.

Одевшись, я кое-как застелил постель и встал у окна, разглядывая площадь и раздумывая, что делать дальше.

– Я чувствую, что сегодня ночью с тобой что-то произошло? – полувопросительно произнесла Леди.

– Да... произошло... – медленно протянул я и вернулся к креслу. – Произошло... – повторил я, усевшись в кресло.

Леди с готовностью переползла на мое плечо. Из-за кресла появился Ванька и выпрыгнул мне на колени.

– Раз все в сборе, слушайте...

И я подробно, стараясь не упустить ни одной важной детали, поведал моим друзьям о знакомстве со странным Странником, о беседе с ним и, самое главное, о подслушанном и подсмотренном разговоре между Красным Магистром и Арком из Холма. Когда я закончил, Ванька деловито спрыгнул с моих колен, подбежал к раскрытому окну и выпрыгнул на улицу. Леди, помолчав, задумчиво произнесла:

– Значит, Арк знает, что Алый Вепрь бродит по стране, и придумал способ, как тебя разыскать. Что скажешь, Вепрь-Илья?

– Первое, что я тебе скажу, это то, что я теперь шагу не сделаю без тебя и Ваньки, и без своего арсенала, – ответил я, застегивая пояс и цепляя к нему ножны с Поющим. – Жалко, что Ванька куда-то умотал.

– За него не беспокойся, он, когда надо будет, на месте, – успокоила меня Леди. – Если ты не хочешь завтракать, я предлагаю прогуляться по городу, посмотреть достопримечательности.

Я согласно кивнул и, еще раз бегло осмотрев комнату, направился к двери.

Внизу, в ресторанном зале, было пусто и тихо. Мой вчерашний кабинет тоже был пуст, Странник уже ушел, а может быть, его, как и меня, перетащили в какую-нибудь постель. Однако хозяин по-прежнему маячил за стойкой, разглядывая витрину с напитками и что-то записывая в маленький блокнотик. Увидев меня, он повернулся ко мне всем телом и медленно поклонился.

– Господин завтракать не будет, – утвердительно пробасил он.

– Нет, спасибо, – ответил я и, подойдя к стойке, положил на нее грубо ограненный рубин.

– Вы не могли бы оценить эту штучку и, оставив себе то, что вам причитается, обменять ее на монеты? – спросил я.

Хозяин спокойно взял камень, положил на свою широкую с длинными пальцами ладонь и покатал его по ней, внимательно рассматривая багровые отблески. Затем аккуратно зажал камень в пальцах и, прижмурив один глаз, посмотрел сквозь него на свет. После этого он опять положил камень на ладонь и со всего размаху опустил ладонь на каменную плиту стойки. Убрав ладонь, он еще раз внимательно посмотрел на камень и, подняв голову, сказал:

– Могу предложить за него двенадцать желтяков, и мы будем в расчете за все время твоего пребывания у меня, господин.

– Хорошо, – согласился я. – Только один желтяк разменяешь на серебро.

Бармалей выдвинул денежный ящик и смахнул в него камень. Затем отсчитал одиннадцать небольших золотых монеток, горсточку серебра и, достав два кожаных мешочка, затягивающихся сверху ремешком, ссыпал в них монеты и пододвинул ко мне.

Я взял мешочки и, достав одну из золотых монет, поднес ее к глазам.

– Ты совершил весьма неплохую сделку, – произнесла Леди. – Это монеты Великого Магистра. Ходят по всему миру.

На одной стороне монеты была изображена поднятая рука, в которой изливалась молния, на другой – веревочная петля с выбитой под ней надписью: «За все воздастся». Опустив монету обратно в кошель, я спрятал оба мешочка в карманы штанов и молча двинулся к выходу.

За дверью меня встретила вчерашняя площадь. Чисто вымытая, сверкающая каждым своим камнем в свете солнца, едва приподнявшегося над невысокими крышами. Фонтан не работал, а стоявшая в нем вода серебрилась рябью под неощутимым утренним ветерком. Утренняя прохлада прогнала последние остатки сна, и я снова отчетливо вспомнил все, что мне показал Странник в своем необычном телевизоре. Не верить увиденному у меня не было причин.

– Ну что ж, Леди, куда мы направимся? – спросил я, отгоняя навязчивое видение Красного Магистра.

– Сначала мы направимся на конюшню и проведем Ворона. Ведь без хозяйского глаза он запаршивеет, – весело ответила Леди. – А затем мы пойдем на рынок. Это место должно представлять для нас известный интерес.

– И куда же нам рулить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.